

Т. А. Майсак
Институт языкознания РАН, Москва

**СЕМАНТИКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ
В УДИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

В удинском языке представлена достаточно «скромная» — по сравнению с некоторыми родственными языками — видо-временная система, особенностью которой является, в частности, отсутствие рекурсивно образующихся аналитических конструкций с глаголом ‘быть, стать’, характерных для многих дагестанских языков. Ядро индикатива включает две формы прошедшего времени (Аорист и Перфект), одно настоящее время (Презенс) и два будущих времени (Будущее основное и Будущее потенциальное). Имеются также более периферийные формы «второго Перфекта» и Будущего долженствования. К основным неиндикативным формам относятся Конъюнктив, две условные формы (Кондиционал и Контрфактив), а также формы императивной серии — Императив, Гортатив и два синонимичных Юссива. Кроме того, ко всем индикативным формам, а также к Конъюнктиву может присоединяться клитика прошедшего времени («ретроспективного сдвига»), образуя производные формы, временная референция которых перенесена в план прошлого либо «сверхпрошлого» по сравнению с исходными.

В данной работе рассматриваются основные финитные формы, образованные от основы инфинитива и основы несовершенного вида (НСВ) и перечисленные в таблице 1¹. Это две презентные формы индикатива и косвенного наклонения (Презенс и Конъюнктив) и три футуральные формы (Будущее основное, Будущее потенциальное и Будущее долженствования), а также производные от них «ретроспективные» эквиваленты. Семантика данных форм описывается на материале ниджского диалекта — главным образом на основе анализа их употреблений в корпусе устных текстов, записанных в 2002—2006 гг. в с. Нидж Габалинского района Азербайджана и с. Дубовый Овраг Волгоградской области, а также в опубликованной в 1990—2000-е гг. литературе (букваре и сборниках прозы и поэзии, составленных Г. А. Кечаари). За многочисленные консультации по употреблению удинских глагольных форм мы искренне признательны Владиславу Дабакову, а также Денису Куранхой и Аревике Даллаари.

Таблица 1. Основные финитные формы от основ инфинитива и НСВ

Формы	bak-es ‘быть, стать’	ej-es ‘приходить’	p-es ‘говорить’
Презенс	ba-ne-k-sa	e-ne-sa	neχ=e
Имперфект	ba-ne-k-sa-j	e-ne-sa-j	neχ=e-j
Будущее потенциальное	ba-ne-k-o	e-ne-в-o	u-ne-k:-o
Будущее потенциальное в прошедшем	ba-ne-k-o-j	e-ne-в-o-j	u-ne-k:-o-j
Будущее основное	bak-al-e	ев-al-e	uk:-al-e
Будущее основное в прошедшем	bak-al-e-j	ев-al-e-j	uk:-al-e-j
Будущее долженствования	bak-ala-ne	ев-ala-ne	uk:-ala-ne
Будущее долженствования в прошедшем	bak-ala-ne-j	ев-ala-ne-j	uk:-ala-ne-j
Конъюнктив	bak-a-n(e)	ев-a-n(e)	uk:-a-n(e)
Конъюнктив прошедшего времени	bak-a-ne-j	ев-a-ne-j	uk:-a-ne-j

¹ В таблице представлены парадигмы одного регулярного («одноосновного») глагола и двух нерегулярных, с противопоставлением основ инфинитива и НСВ. Все формы приводятся в 3-м лице ед. ч., с наиболее типичным для соответствующей формы расположением личной клитики.

Подробнее о глагольных основах и морфологическом устройстве видо-временных форм говорится в статье [Майсак, наст. сб.]. Ниже внимание будет уделено прежде всего употреблению форм в современном языке, а также их вероятному диахроническому развитию. В частности, будет показано, что одна из замечательных особенностей удинской видо-временной системы состоит в том, что на протяжении истории удинского языка несколько раз имел место «дрейф» исходных форм настоящего времени индикатива (презенсов и хаби-туалисов) в модальную область, в результате чего презенсы либо становились формами будущего времени, либо выходили за пределы индикатива. Изложение ведется главным образом от диахронически более «новых» форм (претерпевших меньшие семантические изменения) к более «старым», т. е. от Презенса к различным типам будущих времен и далее к Конъюнктиву. Эволюция удинской презентной и футуральной системы в целом будет охарактеризована в заключительном разделе — в той степени, в какой это позволяет сделать имеющийся синхронный материал.

Мы благодарим Д. С. Ганенкова, Н. Р. Добрушину, Ю. А. Ландера, В. С. Мальцеву, Э. Харрис, А. Б. Шлуинского и В. Шульце за обсуждение основных положений данной работы и высказанные замечания.

1. Настоящее время на *-sa* — «новый презенс»

1.1. Семантика Презенса

Форма на *-sa* не имеет конкурентов в своей семантической зоне (несовершенный вид настоящего времени) и является максимально обобщенной презентной формой, которая покрывает самый широкий круг употреблений: она описывает актуально-длительные и дуративные процессы, состояния, а также хаби-туальные ситуации и помимо этого используется в качестве нарративного времени.

В качестве примеров ср. (1), описывающий динамический процесс ‘идти (о снеге)’, который разворачивается в момент наблюдения, и (2), описывающий ситуацию ‘искать корову’, которая верна для длительного промежутка времени, вклю-

чающего момент речи (хотя и не обязательно имеет место непосредственно в данный момент):

- (1) beIв-a, he ost:ahar iIži-e ej-sa mähäl-e.
 смотреть-IMP что крепкий снег=3SG **приходить-PRS** улица-DAT
*Смотри-ка, какой сильный **идет** снег на улице!*
- (2) ve beš q:onši-vo-n dirist: vi ič-ov-oj
 сегодня наш сосед-PL-ERG целый день сам-PL-GEN
čur-a-t:un qaIv-eI-sa.
 корова-DAT=3PL **искать-LV-PRS**
*Сегодня наши соседи весь день **ищут** свою корову.*

В следующих примерах Презенс описывает состояние; ср. также *čur-e-sa* ‘хочет’ в (84) ниже:

- (3) jan sa kala ajiz-e:jan bak-sa.
 мы один большой село-DAT=1PL **быть-PRS**
*Мы **живем** в большом селе. [Аудinov, Кеçаагi 1996: 26]*
- (4) zu va čur-uz-sa.
 я ты:DAT **любить=1SG=LV+PRS**
*Я **люблю** тебя.*

Две разновидности хабиутального значения иллюстрируются ниже: в (5) речь идет о регулярно повторяющейся ситуации ‘ходить в центр’, тогда как в (6) характеризуется свойство участника (‘бояться волков’).

- (5) bez viči har vi cent:ir-a kart: äči-p-s-a-ne
 мой брат каждый день центр-DAT карта играть-LV-INF-DAT=3SG
taj-sa.
уходить-PRS
*Мой брат каждый день **ходит** в центр играть в карты.*
- (6) bez χunč-en ul-urχo-χun q:iI-ne-b-sa.
 мой сестра-ERG волк-PL-ABL **бояться=3SG=LV-PRS**
*Моя сестра **боится** волков.*

Презенс описывает также запланированные события в плане будущего, осуществление которых уже намечено к моменту речи, ср.:

- (7) äjč:ä zu mosk:v-in-a=z taj-sa.
завтра я Москва-O-DAT=1SG уходить-PRS
Завтра я еду в Москву.
- (8) ек-ala samži vi jan äš-te-jan-p:-sa.
приходить-PART первый день мы работать=NEG=1PL=LV-PRS
В следующий понедельник мы не работаем.

Что касается использования Презенса в качестве «настоящего исторического», то оно чрезвычайно частотно в основной линии нарратива при описании последовательности разворачивающихся событий, ср.:

- (9) Девочка, нагрубившая встретившемуся ей старику, остается в лесу одна.

šuje-nχo e-ne-sa, ič-u dirist:
медведь-PL приходит=3SG=ST+PRS сам-DAT целый
u:t:un-k-sa, izi uIq:en-χo man-e-st:a
есть=3PL=ST-PRS свой кость-PL оставаться=3SG=ST+PRS
t:et:ija. oša iz bava sa šamat-aχun oša
RDP:DLOC потом свой отец один неделя-ABL потом
e-ne-sa. beI-ne-v-sa, iz χüjär-i
приходит=3SG=ST+PRS смотреть=3SG=ST-PRS свой дочь-GEN
uIq:en-χo bar-e-ne t:et:ija.
кость-PL рассыпаться-PERF=3SG RDP:DLOC

Приходят медведи, всю ее целиком съедают, ее кости там остаются. Потом ее отец через неделю приходит. Смотрит — кости его дочери там разбросаны. [Из сказки]

Заметим, что Презенс нередко употребляется и в интродуктивных и фоновых предложениях повествований, ср.:

- (10) ba-ne-k-sa, te-ne bak-sa sa pana, sa bava,
быть=3SG=ST-PRS NEG=3SG быть-PRS один мать один отец
sa-l χib dänä ič-ov-ov χüjär-e bak-sa.
один=ADD три штука сам-PL-GEN дочь=3SG быть-PRS
Жили-были (= есть, нет) мать, отец, и еще были (= есть) у них три дочери. [Из сказки]

Тем самым, в форме Презенса фактически может быть выдержано все повествование (основная линия + фоновые фрагменты). В действительности такого, однако, почти не происходит, поскольку при оформлении основной линии могут конкурировать несколько видо-временных форм (помимо Презенса, это Аорист, Перфект и Будущее потенциальное), и стратегии их использования редко бывают абсолютно последовательными на протяжении одного рассказа.

1.2. Семантика Имперфекта

Имперфект, формальный эквивалент Презенса в плане прошлого, является и его практически полным функциональным аналогом — это наиболее обобщенная форма несовершенного вида прошедшего времени. Ср. примеры, в первом из которых Имперфект описывает актуально-длительную, а во втором — хабитуальную ситуацию в плане прошлого:

- (11) *näjni jan koj-aχun čev-at:an, käj=e-bak-sa=j.*
 вчера мы дом-ABL выходить-TEMP **рассветать=LV=3SG-PRS=PST**
Когда мы вчера выходили из дома, (как раз) рассветало.

- (12) У сельского бригадира была коза, которая была к нему очень привязана.

brigadir har bijäs-in gimg-in-ä=ne bak-sa=j.
 бригадир каждый вечер-ERG годекан-О-DAT=3SG **быть-PRS=PST**
keči-al šo-ti-aj bač:lan-eχun ta-ne=sa=j
 коза=ADD DIST-NO-GEN спина-ABL **уходить=3SG=ST+PRS=PST**
gimg-in-ä.
 годекан-О-DAT

Бригадир каждый вечер бывал на годекане. И коза тоже приходила на годекан за ним следом. [Keçaari 2001: 125]

В нарративе Имперфект используется только в интродуктивных и фоновых предложениях, задающих общую рамку для событий основной линии повествования; ср. (12), а также:

- (13) *sa vi šähär-e=jan taj-sa=j.*
 один день город-DAT=1PL **уходить-PRS=PST**
Как-то раз мы ехали в город. {Вдруг на одном мосту наша ма-

шина остановилась.} [Aydinov, Keçaari 1996: 54]

- (14) amdar-χo-n kala sa händ-n-u očʔal=t:un
человек-PL-ERG большой один поле-O-DAT земля=3PL

ez-b-sa:j.

пахать-LV-PRS=PST

Люди пахали землю на одном большом поле. {Вдруг ярмо на одном из быков сломалось.} [Keçaari 2001: 133]

1.3. Дуративная форма на основе «второго датива»

Говоря выше о том, что у Презенса отсутствуют конкуренты среди форм несовершенного вида настоящего времени, мы оставили в стороне одну периферийную видо-временную форму, близкую Презенсу как семантически, так и морфологически. Эта форма имеет окончание *-saχ*, а не *-sa*, как у Презенса, причем можно с уверенностью полагать, что это *-saχ* представляет собой «второй дательный» падеж от Инфинитива (см. обсуждение этимологических гипотез в следующем разделе).

Презенс на основе «второго датива» Инфинитива крайне редок и не встречается в нашем корпусе текстов (в опубликованных текстах на современном ниджском диалекте мы также его не обнаружили), однако примеры его употребления с легкостью предлагаются и интерпретируются носителями языка. При этом значение формы по-русски передается, как правило, через «быть занятым чем-то в данный момент», «находиться в процессе», «всё еще происходить» и т. п., т. е. подчеркивается вовлеченность субъекта в осуществление действия в период времени, включающий момент наблюдения, ср.:

- (15) χašʔoj ar:-saχ=e.

суп попевать-PRS(DAT2)=3SG

Суп уже доваривается.

- (16) papa-n boq:oj šʔar-p-saχ=e.

мать-ERG тесто месить-LV-PRS(DAT2)=3SG

Мама занята тем, что месит тесто.

- (17) lašʔk:oj burq-e-ne, far-p-saχ=t:un

свадьба начинаться-PERF=3SG играть-LV-PRS(DAT2)=3PL

ust:-oʷ-op.

музыкант-PL-ERG

Свадьба началась, музыканты уже играют.

Заметим, что морфосинтаксическое поведение формы на *-saχ* не тождественно поведению Презенса: для дуративной формы инфиксальная позиция клитики расценивается как невозможная (ср. **šIar-e-p-saχ*, **a-ne-p:-saχ* и т. п.), а расположение клитики не на глаголе, а на фокусируемой именной группе допускается лишь некоторыми носителями языка (ср. ?*nana-n boq:oj-e šIar-p-saχ* ‘мама тесто месит’).

1.4. Происхождение Презенса

Выше форма настоящего времени на *-sa* была названа «новым презентом», что отражает наше предположение о том, что данная форма вступила в презентную семантическую зону позже остальных, когда более «старые» презентные формы уже начали смещаться — а некоторые из них, возможно, уже окончательно сместились, — в футуральную область либо в синтаксически зависимые контексты (о чем подробнее будет сказано ниже). С одной стороны, синхронно у формы на *-sa* отсутствуют какие-либо употребления, кроме типичных употреблений настоящего времени несовершенного вида. С другой стороны, ввиду достаточно прозрачной внутренней формы Презенса на *-sa* есть все основания предполагать, что он и возник именно как форма настоящего времени несовершенного вида, и с тех пор не претерпел сколько-нибудь значительной семантической эволюции.

По нашему мнению (насколько нам известно, подобная гипотеза не высказывалась в литературе), удинский Презенс на *-sa* исходно представлял собой конструкцию с дательным падежом на *-a* от Инфинитива в сочетании со связкой настоящего времени; ср. условную реконструкцию Презенса *u-ne-k-sa* || *uk-sa-ne* ‘он/а ест’ как **uk-es-a* COP-*ne*, где через COP обозначен глагол-связка. Соответственно, Имперфект исходно включал Инфинитив в дательном падеже на *-a* в сочетании со связкой прошедшего времени, ср. **uk-es-a* COP:PST-*ne*².

² В аналитических формах глагола связка настоящего времени, судя по всему, была утрачена (с некоторой долей условности можно говорить о том,

С формальной точки зрения, связь Презенса с дательным падежом Инфинитива очевидна — даже синхронно две эти формы совпадают (у всех глаголов, за исключением *p-es* ‘говорить’, имеющего нерегулярный Презенс, см. таблицу 1). Инфинитив в дательном падеже на *-a* используется в современном языке в целевых придаточных, а также оформляет синтаксическое дополнение у глагола *burq-es* ‘начинать’, ср. примеры (5) и (54), а также:

- (18) *bez viči-muḥ mälīm-i t:oḷv zom-bak-s-a-t:un*
 мой брат-PL учитель-GEN возле **учиться-LV-INF-DAT=3PL**
tas-e...
 уходить-PERF
*Мои братья ходили к учительнице **учиться** (, а потом поступили в институт).* [Из рассказа о семье]
- (19) *bur-jaṅ-q-sa gärgür-b-s-a aḡiv-o*
 начинать=1PL=ST-PRS **смешивать-LV-INF-DAT** огонь-DAT
laḥ-i.
 класть.сверху-AOC
*(Положив в кастрюлю всё необходимое,) мы начинаем **помешивать**, поставив на огонь.* [Из кулинарного рецепта]

Здесь нужно вспомнить, что в число основных функций датива на *-a* в современном языке — наряду с маркированием адресата и прямого объекта — входит обозначение направления и местонахождения (ср. *koj-a* ‘домой; дома’, *šähär-e* ‘в город; в городе’ и т. п.). Более того, локативное значение датива на *-a* является исторически исходным, поскольку он восходит к общезезгинскому инэссиву³. Как

что в современном языке связке функционально соответствуют лично-числовые показатели). К общезезгинской связке настоящего времени восходит стативный глагол *bu* ‘иметься, находиться’, см. [Алексеев, наст. сб.]; к связке прошедшего времени, возможно, следует возводить энклитику «ретроспективного сдвига» *=j || =ij*.

³ Так, Е. А. Бокарёв пишет о том, что удинский (так же, как будухский и хиналугский) дательный падеж «генетически восходит к местному падежу на гласный, обозначающему нахождение внутри чего-либо» [Бокарёв 2006 (1960): 123]; см. также [Schulze 1982: 250, 255]. Подробнее о значении и происхождении удинского датива см. [Ганенков, наст. сб.].

представляется, в основе удинского Презенса также лежала именно локативная форма отглагольного имени, выражающая нахождение субъекта внутри, т. е. метафорически — в процессе осуществления действия. Значение исходной конструкции, условно реконструированной выше как **uk-es-a COP-ne*, можно тем самым представить как ‘он/а находится в поедании’.

Дополнительным подтверждением тому, что Презенс восходит к местному падежу Инфинитива, является существование дуративной формы на *-saχ*. Ее внутренняя форма вполне прозрачна — она несомненно представляет собой «второй датив» на *-aχ* от Инфинитива (ср. *uk-saχ* ‘ест, занят едой’ < *uk-es-aχ*); даже у глагола ‘говорить’, имеющего супплетивную форму Презенса без суффикса *-sa*, дуративная форма образуется регулярно от Инфинитива *p-es*. Функционально форма на *-saχ* более специализирована и используется только при подчеркивании вовлеченности субъекта в действие (заметим, что «второй датив» также восходит к локативной форме, только не инэссива, а апудэссива со значением ‘около’, см. [Алексеев 1985: 52]). Вполне вероятно, что именно в качестве такой слабограмматикализованной «глагольной перифразы» в свое время и появился Презенс на *-sa*, впоследствии занявший ядерное место в глагольной парадигме.

С семантической точки зрения происхождение имперфективных форм из локативной конструкции типа ‘находиться в действии’ вполне закономерно и типологически широко распространено. Аналогичные конструкции в других языках мира могут включать не только падежную локативную форму отглагольного имени, как в удинском, но и различные предлоги и послелогии (типа ‘внутри’, ‘возле’ или ‘на’), вспомогательные глаголы со значением местонахождения (типа ‘быть внутри’, ‘сидеть’) и пр., ср. многочисленные примеры в исследовании [Bybee et al. 1994: 129—133], а также в справочнике путей грамматикализации [Heine, Kuteva 2002: 178—179, 202—203].

Заметим, что образование презенса на основе локативной формы отглагольного имени совершенно нетипично для других лезгинских языков, в которых общие формы настоящего времени обычно представляют собой сочетания с деепричастием или причастием несовершенного вида и глаголом-связкой (типа «делая есть», «делающий есть» и т. п.). С другой стороны, структурно параллельная импер-

фективная форма отмечается в ряде тюркских языков, в т. ч. в азербайджанском — ср. «настоящее длительное» типа *jaz-mag-da-jam* ‘я пишу (нахожусь в процессе писания, продолжаю писать)’, эквивалент которого в плане прошедшего образуется при помощи связки прошедшего времени (ср. *jaz-mag-da idi-m* ‘я писал тогда’) [Ширалиев, Севортян (ред.) 1971: 134—135, 137]. Показатель *-magda* представляет собой локативную форму на *-da* от инфинитива на *-mak*, т. е. структурно полностью параллелен удинскому *-sa*⁴.

Настоящее время, производное от инфинитива, имеется и в другом языке того же ареала, но относящемся к иранской группе — а именно, в татском. В южном диалекте татского языка презенс состоит из инфинитива с префиксом *bä-* или *mi-* и связкой настоящего времени (формально не выраженной в третьем лице единственного числа), ср. *bä-bâftän* || *mi-bâftän* ‘плетет, ткёт’; в северном диалекте префикс отсутствует [Грюнберг 1963: 68—69; Грюнберг, Давыдова 1982: 274—275]. Хотя в наличии префикса наблюдается диалектная вариативность, интересно, что по крайней мере префикс *bä-* имеет бесспорно локативное происхождение и связан с предлогом *bä*, обозначающим направление и местонахождение.

⁴ По мнению исследователей тюркских языков, центр инновации данной формы «локализуется на юге, в Прикаспийских областях — в районах древнеогузской общности» [Гаджиева 1975: 90—91], ср. [Серебренников, Гаджиева 1979: 169]. Трудно судить, насколько огузские диалекты могли оказать влияние на грамматическую структуру удинского языка, учитывая достаточно позднее начало интенсивных контактов между ними (примерно с XI в.); впрочем, нельзя исключать и более ранние контакты удин с тюркскими языками «савиро-хазарского союза», которые специалисты относят еще к V—VI вв. [Гукасян 1973: 3—11]. Не исключено, однако, что в совпадении структуры презентных форм следует видеть простое типологическое сходство, не обусловленное прямым влиянием одного языка на другой.

2. Будущее потенциальное на -o — «старый презенс»

Будущее потенциальное на -o || -on⁵ выступает в трех основных типах контекстов: в футуральной зоне — при описании ситуации в будущем (как правило, в модальных употреблениях, в основном при предположении говорящего), и в презентной зоне — при описании генерических ситуаций либо в роли нарративного времени.

2.1. Будущее потенциальное и модальность возможности

В отличие от нейтрального по значению Будущего основного (о котором см. ниже), Будущее потенциальное используется главным образом для описания потенциально возможной ситуации в будущем, в осуществлении которой не обязательно есть полная уверенность, ср.:

- (20) Односельчане, находящиеся в ссоре, оказались перед бурной рекой. Один предложил перейти реку, держась за руки, чтобы вода их не унесла, и сказал:

χe-n-aχun č:er-i-t-i-uχun oša p:ugun
вода-O-AVL выходить-AOP-NO-AVL потом опять

oro:jan=bak-o.

ссориться=1PL=LV-POT

После того, как выйдем из воды, мы опять сможем ссориться.

[Кецааги 2001: 137]

- (21) Брат, живущий на нижнем этаже, стал разрушать свой дом и сообщил, что перевезет его на другое место. Его брат с верхнего этажа спрашивает:

p:oj bezi k:ož ala čur-e-k:-o?
разве мой дом наверху стоять=3SG=LV-POT

⁵ Как указывается в [Майсак, наст. сб.], вариант на -on гораздо более редок и исторически скорее всего вторичен. (В опубликованных литературных произведениях на удинском языке этот вариант не используется, поскольку, судя по всему, расценивается как чисто разговорный.) Семантически он полностью эквивалентен основной форме Будущего потенциального на -o и ниже употребление обоих вариантов рассматривается вместе.

*А мой-то дом вверху **останется** (~ сможет устоять)?* [Кеҗаари 2001: 130]

- (22) Поговорив со сватами, муж зовет жену, чтобы она сказала свое мнение. Жена говорит: — Ты же глава семьи.

hun hoo p-i-ti-uхun oša zu žoj sa
ты да говорить-АОР-НО-ABL потом я отдельный один
äjit-uz uk:-o?
слово=1SG говорить-РОТ

*После того, как ты согласился, **скажу** ли я (~ могу ли я сказать) что-то другое?* [Кеҗаари 2001: 52]

Ср. также контраст Будущего основного и Будущего потенциального ниже: если первое действие полностью подконтрольно говорящему и запланировано, то второе лишь предполагается (и, как следует из дальнейшего контекста, так и не осуществится).

- (23) Маленький внук упал в реку, о чем дети сообщили бабушке. Та говорит: — Река не могла его далеко унести. Я как раз иду за водой.

oq-n-uхun sa gamat xe eč-al-zu⁶.
река-О-ABL один кувшин вода приносить-FUT=1SG
šo-t:-o-al qaIv-ec-i baIraIj-uz-b-o.
DIST-NO-DAT=ADD искать-LV-АОС находить=1SG=LV-РОТ

Я принесу с реки кувшин воды. И его (т. е. внука) тоже поищу и, может быть, найду. [Кеҗаари 2001: 124]

Интересный семантический эффект наблюдается у форм Будущего потенциального 1-го и 2-го лица, когда они употребляются в ответ на предложение (либо отказ от предшествующего предложения) адресата совершить некоторое действие. В этом случае данная форма имеет оттенок противления адресату: говорящий настаивает на осуществлении ситуации несмотря на то, что адресат выражает противоположное мнение, ср.:

- (24) — Я ему говорю: иди ложись спать!

⁶ Напомним, что используемое в письменных текстах окончание Будущего основного 1-го лица ед. ч. *-al-zu* в речи всегда произносится как *-oo-z;* см. также [Майсак, наст. сб.].

neχ=e, te=z **bask:-o!**
 говорить:PRS=3SG NEG=1SG **ложиться-POT**
А он отвечает: «Не буду ложиться!»

- (25) Сын отказывается стоять на месте и ждать отца, на что тот говорит ему:

va neχ=zu, **čur=en:k:-o!**
 ты:DAT говорить:PRS=1SG **стоять=2SG=LV-POT**
*А я тебе говорю, ты **постоишь!***

2.2. Лексикализация глаголов ‘быть’ и ‘говорить’ в форме Будущего потенциального

Значительное число употреблений Будущего потенциального приходится на глагол *bak-es* ‘быть, стать’ в конструкции со значением возможности (в нашем корпусе устных рассказов на данный тип приходится более половины всех употреблений Будущего потенциального). Как и в ряде других лезгинских языков, специальный глагол ‘мочь’ в удинском отсутствует, и возможность выражается при помощи конструкции с бытийным глаголом, управляющим зависимым предложением в инфинитиве; ср. *uk-es te-z-bak-sa* ‘не могу кушать’ [Гукасян 1974: 212]. При этом очень часто при выражении возможности в настоящем времени — актуальной либо вневременной — глагол *bak-es* используется не в Презенсе, а именно в Будущем потенциальном.

Ср. следующие примеры, в которых описывается «внутренняя возможность» (способность) субъекта совершить действие либо, соответственно, «внешняя возможность», основанная на разрешении или отсутствии внешних препятствий:

- (26) me čur-en k:ä b-es-a **bak-on?**
 PROX корова-ERG что:NA делать-INF=3SG:Q **быть-POT**
*{Покупатель коровы интересуется:} А что же эта корова **умеет** делать? [Из анекдота]*
- (27) χod-al laj-es **te-n bak-o.**
 дерево-SUPER подниматься-INF NEG=3SG **быть-POT**
*Ты **не сможешь** залезть на дерево.*

- (28) lap t:e sov-o t:ul-uruχ=al ba-ne-k-o
 очень DIST один-NA виноград-PL=ADD **быть=3SG=ST-POТ**
 haIvq:-es...
 собирать-INF
{При помощи корзины «таьнкит»} можно собирать также и другие сорта винограда (т. е. даже те, которые растут очень высоко). [Из рассказа о сборе винограда]
- (29) пер:аχ amdar-i loχol-χun läIng-b-i č:ovak-es
 спящий человек-GEN наверху-ABL шагать-LV-АОС переходить-INF
te=ne bak-o.
 NEG=3SG **быть-POТ**
*{Примета.} Нельзя перешагивать через спящего человека. [Ке-
 қаагі 2001: 110]*
- Для выражения эпистемической возможности широко используется лексикализованная форма 3-го лица ед. ч. бытийного глагола *ba-ne-k-o* (иногда *banoko*) либо *ba-ne-k-on*, которая может использоваться как собой особый модальный предикат, управляющий зависимой предикацией в Конъюнктиве, ср.:
- (30) Наша бабушка очень хорошая женщина, ей почти 80 лет.
ba-ne-k-on, ев-ala usen jubilej b-a-jan.
быть=3SG=ST-POТ приходить-PART год юбилей делать-SUBJ=1PL
Возможно, в следующем году отметим юбилей. [Из рассказа о семье]
- Вместе с тем, нередко форма *ba-ne-k-o* выступает в роли лексикализованного модального слова ‘наверное, возможно’, которое синтаксически не подчиняет предикацию, находящуюся под оператором возможности, ср.:
- (31) Корова пропала; отец говорит сыну пойти на базар и поискать там:
ba-ne-k-o, čur t:avaj-e tac-e.
быть=3SG=ST-POТ корова DIST.LAT=3SG уходить-PERF
Может быть, корова туда пошла. [Кеқаагі 2001: 129]
- (32) **ba-ne-k-o,** vaIn=al hekjät-ä k:al-p-i
быть=3SG=ST-POТ вы=ADD история-DAT читать-LV-АОС

čärk:-at:an aχšIum-k:-al=nan.
заканчивать-TEMP смеяться-LV-FUT=2PL

Может быть, и вы посмеетесь, прочитав эту историю. [Кеçаагi 2001: 126]

В роли еще одного модального слова — на сей раз в форме Будущего потенциального во 2-м лице ед. ч. — выступает и глагол *p-es* ‘говорить’. Форма *u-n-k-o* (букв. ‘ты скажешь, можешь сказать’) имеет в данном случае более специфическое значение ‘по всей видимости’, ‘как будто’, ‘можно подумать’, ср. некоторые примеры:

- (33) **u-n-k:-o** hun za-χun gele-n ava.
говорить=2SG=ST-POT ты я-ABL много=2SG знающий
Можно подумать, ты больше меня знаешь!
- (34) χavar-nut: mand-i-jo **u-n-k:-o** sa zu-zu.
новость-без оставаться-AOR-NA говорить=2SG=ST-POT один я=1SG
*{Так вы уже обо всем знаете!} Один я, **видать**, остался в неведении.* [Кеçаагi 2001: 52]
- (35) Мальчик потерялся, его везде искали, но никаких следов не нашли.
u-n-k:-o sa-l bak-i te-ne-j.
говорить=2SG=ST-POT один=ADD быть-AOR NEG=3SG=PST
Как будто и вообще его не было. [Кеçаагi 2001: 120]

2.3. Будущее потенциальное в генерических контекстах

В ряде употреблений Будущего потенциального нет резкой грани между значением возможности и генерическим значением: ‘такое может быть, такое может случиться’ не всегда легко отличить от ‘такое обычно бывает’. Ср. следующие примеры, в которых глагол в Будущем потенциальном описывает как некоторое возможное, так одновременно и некоторое нормальное, ожидаемое положение дел:

- (36) Один человек услышал среди ночи шум на чердаке и вышел с ружьем посмотреть, кто там. Там был юноша, который утверждал, что ищет своего теленка. Хозяин спросил:
ä... ä, üİv-ül mozi=ne **bak-o?**
э э чердак-SUPER теленок=3SG **быть-POT**

Эээ... на чердаке теленок разве **бывает** (~ может быть)? [КеҗаагӀ 2001: 136]

- (37) Один человек считал, что упавший с кизилового дерева превращается в осла. Однажды он упал с кизила и очень испугался. Но его жена ему сказала: — Не бойся!

elem elem-a **te=ne tara-k-o.**

осел осел-DAT NEG=3SG **поворачиваться-LV-POT**

Осел в осла **не превращается** (~ не может превратиться). [КеҗаагӀ 2001: 134]

- (38) p-i-jan ki kār šej **ba=te=ne-k-o.**

говорить-AOR=1PL COMP MED+ADV вещь **быть=NEG=3SG=ST-POT**

Мы сказали, что такого **не бывает** (~ такой вещи быть не может). [Из рассказа]

В других употреблениях Будущее потенциальное выражает именно генерическое значение — причем не только с оттенком возможности, как в (39), но и с оттенком долженствования ('данная ситуация закономерна, так бывает и так и должно быть'), как в (40):

- (39) Войско Тимура разыскивало спрятавшихся от них людей. Вдруг они услышали петушиный крик из ущелья. Тимур сказал:

amdar-nut: ga-l-a dadal-en **te=ne el-k-o.**

человек-без место-O-DAT петух-ERG NEG=3SG **кричать-LV-POT**

В безлюдном месте петух **не закричит** (~ не бывает такого, что кричит). [КеҗаагӀ 2001: 117]

- (40) amdar-i p:aI pul=e **bak-o.**

человек-GEN два глаз=3SG **быть-POT**

У человека **бывает** (~ должно быть) два глаза.

Неудивительно, что подобное употребление характерно прежде всего для пословиц и описаний обычаев, заведенного порядка. Так, среди удинских пословиц, приводимых в книге «Oraŷin» [КеҗаагӀ 2001: 106—107], в половине случаев (18 из 35) использована именно форма Будущего потенциального (в т. ч. в 12 из них — с отрицанием), ср.:

- (41) taj-nut: χod-en χoži **te=ne sak-o.**

ветка-без дерево-ERG тень NEG=3SG **ронять-POT**

Дерево без ветвей тени **не дает**. [КеҗаагӀ 2001: 106]

- (42) äjit-en tapan **te-ne** **boš-o**.
 слово-ERG живот NEG=3SG насыщаться-POT
Словами живот не наполнится. [КеҫаагӀ 2001: 106]

Аналогично, большое количество примеров формы Будущего потенциального встречается при описании примет и суеверий ('так принято / не принято делать'): в [КеҫаагӀ 2001: 109—111] практически все предложения содержат данные формы, при этом отрицательных также большинство — 47 из 58, ср.:

- (43) göjün **χazal-a** aruv-o **te-t:un** **bos-o**.
 зеленый лист-DAT огонь-DAT NEG=3PL бросать-POT
Зеленые листья в костер не бросают. [КеҫаагӀ 2001: 110]
- (44) šamat: vi-n-e **bijäs-in** čIo **te-t:un** **χam-k-o**.
 неделя день-O-DAT вечер-ERG лицо NEG=3PL брить-LV-POT
В субботу вечером лицо не бреют. [КеҫаагӀ 2001: 110]

2.4. Будущее потенциальное в нарративе

Как уже отмечалось выше, наиболее распространенной нарративной формой в удинском — не считая форм прошедшего времени — является Презенс. Вместе с тем, в нарративе употребляется и Будущее потенциальное, хотя и достаточно маргинально. В нашем корпусе текстов встретилось два небольших рассказа, основная линия которых почти целиком выдержана в данной форме, ср. фрагмент из одного из них:

- (45) sa läzgi-n k:oj-a q:onav-χo-t:un **ev-o**.
 один лезгин-GEN дом-DAT гость-PL=3PL **приходить-POT**
ar-t:un-c-on k:oj-a. oša äjl-ä
сидеть=3PL=ST-POT дом-DAT потом ребенок-DAT
 u-t:un-k:on-ki (...) ajel č:oš **č:e-ne-k-on**,
 говорить=3PL=ST=POT=COMP ребенок наружу **выходить=3SG=ST-POT**
 sejvan-in te suraj-n-a t:ajaχ-baj mäǟr
 веранда-GEN DIST перила-O-DAT опираться-LV+AOC PROX+ADV
čur-e-k-on, **beI-ne-k-on**,
стоять=3SG=LV-POT **смотреть=3SG=ST-POT**

e-te-ne-v-on.

приходить=NEG=3SG=ST-POT

*Домой к одному лезгину **приходят** гости. **Сидят** у него дома. Потом мальчику **говорят**... («Сходи посмотри, какая на улице погода»). Парень **выходит** наружу, **стоит** прислонившись к перилам веранды, **смотрит** и не возвращается.*

Подобное использование Будущего потенциального отмечается и в варташенском диалекте; ср. следующий фрагмент, любезно предоставленный нам Э. Харрис и взятый из сказки, записанной ею в с. Октомбери (Зинобиани) в 1989 году:

- (46) раџав **ақ:=не-в-о,** ŧel **beI-ne-v-o**
 царь удивляться=3SG=LV-POT хороший смотреть=3SG=ST-POT
 џubъ-о laxo, **ĉal-t:u-x-o.**
 женщина-DAT наверху узнавать=3SG:DAT=ST-POT

miq:=ne-bak-o.

радоваться=3SG=LV-POT

*Царь **удивился**, хорошенько **посмотрел** на женщину и **узнал** ее. Он **обрадовался**.*

2.5. Семантика Будущего потенциального в прошедшем

Прежде всего, ретроспективная форма Будущего потенциального выражает возможность в плане прошлого — как правило, нереализованную, ср.:

- (47) Люди спрятались от завоевателей в ущелье и принесли с собой петуха.
 ŧi-n-a **uk-o-j** t:e dadal-en geŧluv-a
 кто-ERG=3SG:Q говорить-POT=PST DIST петух-ERG ущелье-DAT
 bak-ala amdar-xo-j b-el kala sa äŧ
 быть-PART человек-PL-GEN голова-SUPER большой один дело
 eĉ-al=e. hik:ä b-es=a **bak-o-j.**
 приносить-FUT=3SG что:NA делать-INF=3SG:Q быть-POT=PST
*Кто **бы мог сказать**, что этот петух навлечет большую беду на находящихся в ущелье людей? Что тут **можно было поде- лать**? [Keĉaari 2001: 117]*

Достаточно распространено использование бытийного глагола в форме *bak-o-j* при описании предположения о событии в прошлом ('наверное, имела место ситуация'); данное употребление можно расценивать как аналог модального слова *ba-ne-k-o* 'наверное' в плане прошлого, ср.:

(48) Спасаясь от войска Тимура, жители села скрылись в ущелье.

gešluk-a sa hema baĭ amdar=e **bak-o-j**.
 ущелье-DAT один сколько сто человек=3SG **быть-РОТ=PST**
В ущелье было, наверное, человек сто. [Кецааги 2001: 117]

(49) Жила-была бабушка, и у нее был маленький внук.

t:ilink:äš-in-äxun malmul kala=ne **bak-o-j**.
 мизинец-О-AVL немного большой=3SG **быть-РОТ=PST**
Был он, наверное, чуть больше мизинца. [Кецааги 2001: 122]

Если в двух последних примерах форма *bak-o-j* выражает не только модальное значение предположения, но и временную референцию ситуации, то в некоторых случаях она сочетается уже с формой прошедшего времени/совершенного вида и по сути выступает именно как модальное слово 'может быть, вероятно' применительно к «плану прошлого». Ср. пример, в котором предложение без формы *bak-o-j* изменилось бы только в отношении модальности (в отличие от примеров (48)—(49), которые без формы *bak-o-j* интерпретировались бы как выражающие настоящее время):

(50) На последнем курсе нас отправили в Монголию на практику.

sa šamat=e č:ovak-i **bak-o-j**, joχsa
 один неделя=3SG проходить-АОС **быть-РОТ=PST** или
 vic: vi=ne č:ovak-i **bak-o-j**.
 десять день=3SG проходить-АОС **быть-РОТ=PST**
Прошла где-то одна неделя, или может быть десять дней прошло.

Наконец, Будущее потенциальное в прошедшем выступает в аподосисе контрактических условных предложений, протасис которых оформлен, как правило, формой Контрфактива:

(51) Господь дал мне четырех дочерей.

za sa var=al tad-iji=n-ij, lap iräzi=z
я:DAT один сын=ADD давать-CTRF=2/3SG=PST очень довольный=1SG
bak-o:j.

быть-POT=PST

Если бы он дал еще и одного сына, я был бы очень рад. [Кечаари 1996: 13]

(52) ava-bak-iji=n-ij, te-ne ev-o:j.
знать-LV-CTRF=2/3SG=PST NEG=3SG **приходить-POT=PST**

Если бы он знал, то не пришел бы.

2.6. Происхождение Будущего потенциального

Итак, как мы видели, удинская финитная форма на -о, образованная от основы НСВ, в современном языке выступает в трех основных ипостасях. Во-первых, она выражает будущее время с оттенком возможности, и то же модальное значение возможности проявляется и в употреблениях лексикализованной формы глагола *bak-es* 'быть' (в т. ч. и с клиткой прошедшего времени). Сюда же можно отнести и контрфактическое значение, свойственное форме на -о в «плане прошлого» — нередко контрфактическое значение развивается именно на основе форм «будущего в прошедшем». Во-вторых, форма на -о выступает при описании генерических ситуаций — закономерностей и «общих истин», верных для любого времени. Наконец, в-третьих, эта форма используется в нарративе в качестве одной из разновидностей «настоящего исторического».

Как представляется, любая гипотеза о происхождении Будущего потенциального должна объяснять современную дистрибуцию данной формы, а также учитывать тот факт, что образована она именно от основы НСВ. На первый взгляд, с фактом производности от основы НСВ хорошо коррелируют лишь два из употреблений Будущего потенциального, которые далеко не всегда отмечаются в описаниях удинской глагольной системы и которые синхронно могут быть признаны периферийными, — это генерическое и нарративное использование. Действительно, как описание генерических ситуаций, так и использование в качестве нарративного времени свойственно пре-

зентным формам, которые в языках с аспектуальным противопоставлением чаще всего и образуются от основы НСВ. Однако каким образом в данную картину вписывается значение модального будущего (синхронно — основное значение формы на -o)?

Наша гипотеза состоит в том, что форма на -o исходно представляла собой одну из форм настоящего времени (презенс или хабитуалис), которая лишь со временем приобрела модальное значение и способность описывать ситуации в будущем. Впоследствии, однако, — в том числе и ввиду появления в системе нового Презенса на -sa, — она утратила основные презентные значения (актуально-длительное и собственно хабитуальное) и специализировалась как форма модального будущего. Однако в качестве периферийных эта форма до сих пор сохраняет генерическое и нарративное употребления, доставшиеся ей, так сказать, «в наследство» от ее презентного прошлого.

С типологической точки зрения появление глагольных форм с полисемией типа ‘будущее время’/‘хабитуалис’ или ‘будущее время’/‘хабитуалис’/‘настоящее историческое’ не является редкостью. Впервые гипотеза о том, что значение будущего времени у таких форм является диахронически более поздним и что исходно эти формы выражали настоящее время индикатива, была высказана в работе [Bybee et al. 1994: 277]. Впоследствии эволюцию «старых презенсов» на более широком языковом материале рассмотрел М. Хаспельмат, который предположил, что значение будущего времени развивается непосредственно на основе актуально-длительного значения (которое впоследствии утрачивается) [Haspelmath 1998: 32]. Адекватность такого утверждения может быть поставлена под сомнение, поскольку формы с футурально-хабитуальной полисемией всегда выражают ту или иную разновидность хабитуального значения, однако далеко не для всех из них есть основания постулировать актуально-длительное значение как диахронически исходное. Поэтому более аргументированным представляется сценарий исторического развития, предложенный С. Г. Татевосовым (на материале андийских языков): по его мнению, значение предположительного будущего в конечном счете развивается на основе хабитуалиса через промежуточную стадию модального значения возможности, ср. путь грамматикализации, предлагаемый в [Татевосов 2004; Tatevosov 2005]:

- (53) ПРОГРЕССИВ >
- ХАБИТУАЛИС >
- СПОСОБНОСТЬ >
- ВНЕШНЯЯ ВОЗМОЖНОСТЬ >
- ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ >
- ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ >
- ПРОСПЕКТИВНОЕ/ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ

В основе семантического перехода от хабитуального значения к значению возможности лежит достаточно простая прагматическая импликатура: если кто-то осуществляет некоторое действие регулярно, из этого следует, что он способен осуществлять данное действие (например, из утверждения о том, что ‘мой брат часто плавает’ следует ‘мой брат умеет плавать’). Дальнейшее семантическое развитие основано на том, что утверждение о ситуации, в принципе возможной, используется для описания предполагаемого положения дел в будущем (ср. ‘может пойти дождь’ > ‘наверное, пойдет дождь’). Конечным этапом такой эволюции может стать грамматическая форма, выражающая все разновидности футурального значения, в т. ч. намерение говорящего, не связанное с эпистемической модальностью (ср. ‘завтра мы поедем в город’).

Семантика Будущего потенциального в удинском языке подтверждает путь диахронического развития, предполагаемый схемой (53): действительно, наряду с генерическим значением (максимально близким хабитуальному) и значением предположительного будущего удинская форма на *-o* выражает и эпистемическую возможность, а глагол *bak-es* в данной форме может выражать и другие типы возможности. О наличии у данной формы в прошлом актуально-длительного значения, скорее всего, свидетельствует нарративное использование в качестве «настоящего исторического». Конечной же стадии эволюции «старых презентов» — а именно, стадии максимально обобщенного и нейтрального по значению футурума, — Будущее потенциальное пока не достигло, данную нишу в современном языке устойчиво занимает Будущее основное, к которому мы еще вернемся ниже.

Что касается морфологического устройства формы на *-o*, и прежде всего происхождения самого суффикса *-o*, присоединяемого к ос-

нове НСВ, то оно представляется не вполне ясным⁷. Тем не менее, нельзя не отметить очевидного сходства суффикса Будущего потенциального с показателем номинализации *-o*, который используется в современном языке у субстантивированных прилагательных и причастий в абсолютиве: ср. *busa-o* ‘тот, кто голоден; голодающий’ (от прилагательного *busa* ‘голодный’), причастие СВ *bašq-i-o* ‘украшенный, вор’ (от глагола *bašq-es* ‘красть’) или причастие НСВ *avabak-al-o* ‘знающий, знаток’ (от глагола *avabak-es* ‘знать’). Напомним, что «второй Перфект» удинского языка восходит именно к субстантивированной форме причастия СВ на *-ijo*, см. подробнее статью [Майсак, наст. сб.].

Если допустить, что показатель Будущего потенциального *-o* исходно также представляет собой суффикс номинализации, современные формы типа *uk-o* ‘может быть, скажет’ (от основы НСВ глагола ‘говорить’) исторически вполне могут восходить к древнему субстантивированному причастию НСВ (со значением ‘тот, который говорит; говорящий’). При этом, скорее всего, исходное причастие НСВ имело вид **uk-a-o*, т. е. собственно аффиксом причастия был видовой показатель *-a* — тот же, что в современной деепричастии образа действия на *-a* и в большей части форм от основы НСВ⁸. В дальнейшем морфологическую структуру словоформы затемнило стяжение гласных */ao/ > /oo/ > /o/*, которое вполне закономерно и отмечается у некоторых субстантивированных производных и в современном языке (ср. *kal-o* || *kal-oo* ‘старший; начальник, хозяин’ < *kala-o*, от прилагательного *kala* ‘большой’).

Конечно, постулирование для более древнего состояния удинского языка причастия НСВ на *-a* отчасти проблематично ввиду того, что неочевидно соотношение между этим древним причастием и совре-

⁷ В частности, В. Шульце не исключает возможность возникновения Будущего потенциального под влиянием северо-западных иранских языков, отмечая в качестве формальной и семантической параллели талышскую форму с суффиксом *-o*, которая выражает опитатив и неопределенное будущее время [Schulze, to appear: 3.4.4.1, § 15].

⁸ Для исходной нефинитной формы на *-a* можно, тем самым, предполагать объединение функций причастия и деепричастия, каковое мы наблюдаем в современном языке у формы совершенного вида на *-i*.

менным причастием на *-ala* || *-al*. В настоящее время, однако, эта проблема разрешена быть не может, поскольку сам генезис формы на *-al* как причастия не вполне ясен. Как бы то ни было, две причастные формы вполне могли сосуществовать на каком-то этапе развития языка, хотя, скорее всего, форма на *-al* появилась — по крайней мере именно в функции причастия — позже, чем форма на *-a*. В любом случае, презентная форма типа *uk:-o* ‘говорит’ (< [?]**uk:-a-o*) должна была появиться еще в период существования **uk:-a* как причастия.

Эта презентная форма имела структуру «субстантивированное причастие НСВ + связка настоящего времени» — т. е. структуру предложения характеристики типа **mono uk:-a-o-ne* ‘он есть тот-который-говорит’. Аналогичные по устройству аналитические видо-временные формы имеются и в других лезгинских языках, встречаются они и в других группах нахско-дагестанской семьи. Так, в агульском языке форма типа *ava-f-e* ‘говорит’ состоит из субстантивированного причастия НСВ *ava-f* и глагола-связки *e* ‘есть, имеется’ в настоящем времени, причем наряду с генерическим значением эта форма также выражает предположительное будущее [Майсак, Мерданова 2003]. Структуру «причастие + связка» имеет, кроме того, хабикулярный презент рутульского языка (ср. *ha?a-d i* ‘обычно делает’), а также основное будущее время в крызском языке (ср. *kurac'-i ja* ‘зарезет’); см. подробнее [Махмудова 2001; Authier, to arreag], а также обзорную работу [Maisak, to arreag]. В аварском языке аваро-андийской группы аналитическая форма типа *босуле-б б-уго* ‘берет’ (здесь *б-* — классный показатель) также состоит из причастия НСВ и связки настоящего времени, причем является «новым презентом» и описывает прежде всего актуально-длительные и дуративные ситуации [Маллаева 1998: 120—121].

Удинская форма на *-o*, по всей видимости, также возникла как актуально-длительная форма, что позволило ей со временем начать использоваться и в качестве нарративного времени. Как и все актуально-длительные формы лезгинских языков, она достаточно быстро стала общим презентом, выражающим весь спектр презентных значений; на основе хабикулярного значения у нее развилось и значение возможности, а далее — значение потенциального будущего времени. Относительную хронологию появления формы на *-o* и ее взаимо-

действие с Будущим основным на *-al* и новым Презенсом на *-sa* представить сложнее, но так или иначе «общий презенс» на *-o* постепенно был вытеснен из основных презентных контекстов. Сохранился он только в качестве генерической формы, а также «исторического настоящего», причем обе функции в настоящее время достаточно маргинальны (о чем можно судить по корпусу современных устных рассказов). В зоне будущего времени форма на *-o* конкурирует с Будущим основным на *-al*, являясь и здесь более периферийным и осложненным дополнительными модальными оттенками средством выражения временной референции к будущему.

3. Будущее основное на *-al* — от хабитуалиса к футуруму

Так же, как Презенс является главной грамматической формой в зоне настоящего времени, Будущее основное занимает ключевое место в футуральной зоне (поэтому для данной формы и было выбрано соответствующее название). В отличие от Будущего потенциального, какие-либо модальные оттенки Будущему основному не свойственны, это максимально нейтральная по значению футуральная форма. Более того, у нее нет и никаких других употреблений помимо выражения референции к будущему.

3.1. Семантика Будущего основного

Будущее основное используется как при описании намерения говорящего осуществить действие, как в (54)—(55), так и при описании предсказаний о ситуациях, которые могут ожидать в будущем, как в (56):

(54) Дети поиграли дома, а потом решили:

č:äläj-e tärängü gir-b-s-a **tax-al-jan.**

лес-DAT хворост собирать-LV-INF-DAT уходить-FUT=1PL

(Теперь) мы **пойдем** в лес собирать хворост. [Keçaağı 2001: 122]

(55) Брат спрашивает брата, почему тот разрушает свой дом. Тот отвечает:

- tašer-i žoj sa ga-l-a biq:-al-zu.
 уносить-АОС отдельный один место-О-DAT строить-FUT=1PL
Я (его) перенесу и построю в другом месте. [Кеҗааги 2001: 130]
- (56) Царь попросил прорицателя рассказать ему о будущем. Тот сообщил:
 te älxil ölk-in-ä bak-ala sa naħirči-n var-en
 DIST далекий страна-О-DAT быть-PART один пастух-GEN сын-ERG
 vi raččavluv-a eIχ-t:-al-e.
 твой царство-DAT брат-LV-FUT=3SG
Пастуший сын, который живет в одной далекой стране, захватит твое царство. [Кеҗааги 2001: 115]
- Предсказание при этом может базироваться не только на провидческом даре говорящего, но и на определенной закономерности, которая делает осуществление некоторой ситуации вероятной либо даже, по мнению говорящего, неизбежной, ср.:
- (57) Два соседа оказались возле бурной реки, через которую не было моста. Один говорит:
 täk bav-aji=jan, χe-n-en jaχ taš-al-e.
 в.одинокку входить-COND=1PL вода-О-ERG мы:DAT уносить-FUT=3SG
Если мы поодиночке пойдем, вода нас унесет. [Кеҗааги 2001: 137]
- (58) el-a te:t:un car-k:-o. šon-o car-ev-at:an
 соль-DAT NEG=3PL рассыпать-LV-POT DIST-NA рассыпаться-LV-TEMP
 neχ:t:un koj-a dava bit-al-e.
 говорить:PRS=3PL дом-DAT ссора падать-FUT=3SG
{Примета.} Не следует рассыпать соль (= соль не рассыпают). Когда она рассыпется, говорят, что в доме произойдет ссора. [Кеҗааги 2001: 111]
- С другой стороны, ср. Будущее основное в контексте предположения с модальным словом *ba-ne-k-o* 'возможно' (о котором см. подробнее выше):
- (59) Главный герой обсуждает с друзьями, как отвлечь внимание пастуха: — Я подойду к нему, заведу с ним беседу.
 ba-ne-k-o, t:üt:äj-ä-l far-p-es-t:-al-zu.
 быть=3SG=ST-POT свирель-DAT=ADD играть-LV-INF-CAUS-FUT=1SG

Может быть, я заставлю (его) сыграть на свирели. {Когда вы услышите свирель, идите туда.} [Keçaarı 2001: 127]

Аспектуальная семантика Будущего основного также нейтральна: оно описывает как перфективные ситуации в будущем (см. примеры выше), так и актуально-длительные и хабитуальные, ср.:

(60) äjč:ä jan k:oj-aχun č:ev-at:an, hălă
завтра мы дом-ABL выходить-TEMP еще

käj-bak-al-e.

рассветать-LV-FUT=3SG

Когда мы завтра выйдем из дома, еще только будет рассветать.

(61) me ilžİena gele ilži ev-al-e.
PROX зимой много снег приходит-FUT=3SG

Этой зимой будет часто идти снег.

Таким образом, основная футуральная форма выражает только временную референцию к будущему и нейтральна в отношении модальной и аспектуальной семантики.

3.2. Семантика Будущего основного в прошедшем

Форма Будущего основного с показателем «ретроспективного сдвига» функционирует как стандартное «будущее в прошедшем». С одной стороны, эта форма используется при описании намерения, которое имелось в точке отсчета в прошлом:

(62) — Где там Ашот? Пусть придет к нам!

šo häjsä bask:-al-e-j.

DIST+NA сейчас лечь-FUT=3SG=PST

— *Он только что собирался лечь спать.*

(63) zu va-jnak: näjni zeng-b-al-zu-j.
я ты-BEN вчера звонить-LV-FUT=1SG=PST

Я тебе вчера собирался позвонить.

С другой стороны, Будущее основное в прошедшем, как это в целом свойственно формам «будущего в прошедшем» (и в том числе Будущему потенциальному), используется в аподосисе контр-

фактического условного периода при описании нереализованной ситуации:

- (64) *čur-p-iji-n=ij,* *avuzin eχlät gele*
 стоять-LV-CTRF=2/3SG=PST лишний разговор много

bak-al-e=j.

быть-FUT=3SG=PST

{К счастью, он скоро ушел.} Если бы он остался, было бы много лишних разговоров. [Keçaarı 2001: 47]

- (65) Услышав ночью шорохи на чердаке, хозяин стреляет из ружья и обнаруживает на чердаке юношу, который утверждает, что ищет там потерявшегося теленка. На вопрос хозяина, как мог теленок оказаться на чердаке, он отвечает:

sa kārān-äl döIp-t-iji-vaχ=ij, *lap buš-al*
 один раз=ADD стрелять-LV-CTRF=2SG:DAT=PST очень верблюд=ADD

bak-al-e=j.

быть-FUT=3SG=PST

Если бы ты еще раз выстрелил, это вполне мог бы оказаться и верблюд. [Keçaarı 2001: 136]

Какие-либо явные семантические отличия Будущего основного в прошедшем от Будущего потенциального в прошедшем при описания контрфактического условия отсутствуют; заметим только, что судя по частотности употребления Будущее основное в прошедшем гораздо более маргинально в данной функции.

3.3. Происхождение Будущего основного

Известной особенностью формы Будущего основного является запрет на инфиксальное («эндоклитическое») расположение на ней показателей личного согласования. В отличие от форм Будущего потенциального типа *ba-ne-k-o* ‘может быть, бывает’, у которых при наличии личной клитики на глагольной словоформе обязательно ее инфиксальное расположение, у Будущего основного оно запрещено, а обязательна, напротив, конечная позиция, ср. *bak-al-e* ‘будет, станет’. (При отрицании же в обоих случаях возможен вынос клитического комплекса с частицей *te-* влево, ср. *te-ne bak-o* ‘не может быть,

не бывает', *te-ne bak-al* 'не будет, не станет'⁹.) Таким образом, за вычетом личной клитики форма Будущего основного полностью совпадает с отглагольным именем деятеля на *-al*. Этот факт отмечается выше в статье [Майсак, наст. сб.] и, по нашему мнению, он далеко не случаен и может самым непосредственным образом указывать на происхождение Будущего основного.

Заметим, что ранее в литературе предлагалась другая диахроническая гипотеза, связывающая Будущее основное не с именем деятеля, а с причастием НСВ, которое в ниджском диалекте имеет показатель *-ala* в атрибутивной позиции и *-al-* при субстантивации¹⁰, а в варташенском в атрибутивной позиции выступают как форма на *-al*, так и на *-ala*. Ср. примеры из варташенского диалекта: *ašb-al adamar* 'работающий человек' (working man), *gərb-al ganu* 'место, где собираются' (gathering place) и *boχ-ala k:ok:os* 'цыпленок, которого сварят' (to-be-boiled chicken) [Harris 2002: 276]. По мнению Э. Харрис, варташенское причастие на *-al* исходно являлось «причастием будущего времени», которое могло выражать предстоящую ситуацию и, в частности, использоваться с глаголом-связкой в предложениях характеристики типа **k:ok:os boχ-al sor-ne*, букв. 'цыпленок есть которого-нужно-сварить'. В дальнейшем данная структура была переинтерпретирована как видо-временная форма будущего времени, ср. *k:ok:os boχ-al-le* '(кто-то) сварит цыпленка'. Эта гипотеза

⁹ По данным Э. Харрис, в варташенском диалекте вынос комплекса с отрицательной клистикой налево для Будущего основного невозможен (т. е. запрещены структуры типа *te-ne bak-al*) [Harris 2002: 116—118], ср. также [Harris, наст. сб.]. В ниджском диалекте это ограничение отсутствует; более того, не исключено, что постепенно ослабевает и запрет на инфиксальное расположение: так, в одном из наших текстов встретилась фраза *zu taj-es ba-te-z-k-al* 'я не смогу пойти', в котором комплекс *te-z* располагается внутри формы Будущего основного *bak-al*.

¹⁰ Напомним, что при сходстве суффиксов имени деятеля и причастия, синхронно — по крайней мере в ниджском диалекте — это две различные формы парадигмы, первая из которых морфологически является существительным, а вторая — прилагательным; ср. обе формы в эргативе: *eχbal-en* 'жнец, косарь' vs. *eχbal-t-in* 'тот, кто жнет, косит' (от глагола *eχ-b-es* 'жать, косить'), см. также подробнее [Майсак, наст. сб.].

объясняет строгую закреплённость личной клитики в конечной позиции тем, что в исходной структуре (предложении характеристики с причастием) в фокусной позиции находилось причастие, поэтому расположение личной клитики было закреплено именно за ним; перемещение же клитики к другой составляющей невозможно в силу того, что два фокуса в одном предложении для удинского языка недопустимы [Harris 2002: 277].

Не касаясь пока проблем расположения личных клитик на форме Будущего основного, заметим, что предположение Э. Харрис о происхождении этой формы трудно принять по ряду оснований. Прежде всего, далеко не очевидна сама возможность выражения значения долженствования или следования во времени варташенской формой причастия НСВ на *-al*. Убедительных примеров того, что структура типа *boχ-al kokos* могла означать ‘цыпленок, которого должны сварить’, у Э. Харрис не приводится: во всех ее примерах с атрибутивной формой на *-al* выражается значение одновременности либо постоянного признака, а значение долженствования, напротив, отмечается только у формы на *-ala*. (В этом смысле гипотеза Э. Харрис, высказанная ею относительно Будущего основного, подходит скорее для формы Будущего долженствования на *-ala*, о которой пойдет речь ниже.) Кроме того, гипотеза о происхождении от причастия НСВ не подходит для ниджского диалекта, поскольку атрибутивная форма причастия НСВ в этом диалекте не оканчивается на *-al*. Конечно, можно предполагать, что появление причастия на *-al-a* в ниджском является вторичным и поздним развитием, однако для этого не видится никаких оснований. Наконец, в-третьих, в позиции именного сказуемого можно было бы ожидать скорее субстантивированную форму причастия (типа *boχ-al-o* ‘тот, который/которого варят’) по аналогии с исходной структурой «второго Перфекта» типа *boχ-ijo* ‘сварил’ (< **boχi-o* *cop-ne* ‘сваренный есть’), см. также обсуждение в разделе 2.6 выше.

Предлагаемый нами сценарий исходит из того, что основой для формы Будущего типа *boχ-al-e* ‘сварит’ является форма имени деятеля *boχ-al* ‘тот, кто варит’, единая для обоих диалектов, а не причастие НСВ, в диахроническом развитии и распределении показателей которого (*-al* vs. *-ala*) нет полной ясности. Имя деятеля макси-

мально похоже на Будущее основное, и его рассмотрение в качестве источника не требует принятия каких-либо произвольных допущений о морфологической структуре древнеудинских форм. В объяснении нуждается, однако, семантическая эволюция Будущего, особенно ввиду того, что, по нашему предположению, возникло оно на базе формы несовершенного вида со значением ‘тот, кто делает Р’ — значения, на первый взгляд, далекого от чисто футурального значения Будущего основного в современном языке.

Поскольку хабитуальное значение очевидным образом является исходным для имени деятеля (обозначающего того, кто обычно осуществляет ситуацию, названную глаголом), логично предположить, что и Будущее основное изначально имело хабитуальное значение, а в футуральную область перешло лишь в ходе постепенной семантической эволюции. Исходная конструкция «отглагольное имя + глагол-связка настоящего времени», по всей видимости, изначально описывала ситуации типа ‘субъект X имеет обыкновение осуществлять действие Р’, ‘субъект X обладает свойством Р’ и т. п. — ср. условный пример типа *mono elbal-e* ‘он портной’ (от глагола *elb-es* ‘шить’) ~ т. е. ‘он шьет, занимается шитьем, имеет обыкновение шить’ и т. п. Сам по себе переход имени деятеля в предикативной позиции в глагольную форму с хабитуальным значением описан в типологической литературе — в частности, в диссертации А. Б. Шлуинского — на примере таких разнородных языков, как карачаево-балкарский (показатель *-иџу), имбабура кечуа, сусу и даже современный английский (имя деятеля на *-er*). Как отмечается в данной работе, «этот семантический переход... состоит в том, что имя деятеля начинает использоваться в качестве основного средства для выражения качественной разновидности хабитуального значения, а позднее получает более широкую хабитуальную дистрибуцию» [Шлуинский 2005: 114 и сл.], см. также [Шлуинский 2008]¹¹.

¹¹ Качественное значение «состоит в том, что некоторый индивид “квалифицируется” как принадлежащий к некоторому классу и, в силу принадлежности к этому классу, регулярно участвует в ситуации, описываемой глаголом. Центральным и наиболее типичным случаем качественного значения является профессиональная характеристика человека: (...) принадлеж-

Приобретение исходной конструкцией характеристики хаби-туального значения, с ее превращением из конструкции характеристики в видо-временную форму хаби-туалиса, вполне закономерно. Дальнейшее развитие данной формы можно представить себе в качестве очередного «цикла» превращения «старого презенса» в форму будущего — один из таких циклов мы уже рассматривали на примере Будущего потенциального выше. В отличие от Будущего потенциального, основное Будущее синхронно не имеет никаких других употреблений, кроме футуральных, — это дает основания полагать, что данная форма возникла раньше Будущего потенциального и Презенса (или, по меньшей мере, не позже них), которые впоследствии «захватили» все презентные контексты, ранее возможные у формы типа *bak-al-e*. Тем самым, «старый презенс» — точнее даже, «старый хаби-туалис»¹² — на *-al* окончательно стал «общим футурумом».

Подчеркнем, что постулирование подобного пути развития (конструкция характеристики с именем деятеля > хаби-туалис > хаби-туально-футуральная полисемия > футурум) связано именно с максимальным формальным сходством Будущего основного с именем деятеля на *-al* и отсутствием в современном удинском языке других форм от основы НСВ, которые могли бы быть реальными кандидатами на источник Будущего основного. Теоретически, нельзя исключать того, что основой для формы Будущего послужило причастие НСВ на *-al* (если допустить, что в какое-то время оно функционировало в атрибутивной позиции именно в форме на *-al*, в т. ч. в ниджском диалекте), однако и в этом случае эволюция Будущего основного может мыслиться только через стадию «старого презенса».

Заметим, однако, что именно рассмотрение имени деятеля как источника для Будущего основного позволяет решить загадку невоз-

ность к определенной профессии предопределяет ситуацию, в которой регулярно приходится участвовать» [Шлуинский 2005: 120].

¹² В отличие от Будущего потенциального, для Будущего основного нет оснований предполагать наличие в прошлом актуально-длительного значения — как потому, что оно с трудом представимо у исходной конструкции с именем деятеля, так и потому, что отсутствуют какие-либо «остаточные» употребления, которые могли бы указывать на это значение.

возможности для данной формы эндоклизиса, при столь сильном «притяжении» личных клитик к самой глагольной форме (ср. невозможность их переноса на фокусируемую составляющую, помимо отрицательной частицы). Очевидно, что эндоклизис скорее всего был блокирован для имени деятеля, которое, по сути дела, выходит за рамки глагольной парадигмы. Став существительным, имя деятеля на *-al* перестало быть морфологически «прозрачным» для внедрения согласовательных морфем, и эта «непрозрачность» сохранилась и тогда, когда в составе аналитической формы имя деятеля снова вошло в глагольную парадигму уже как основа для Будущего времени.

4. Будущее долженствования на *-ala* — «новый футурум»?

Финитная форма с суффиксом *-ala* является наименее частотной из всех рассматриваемых в данной статье удинских видо-временных форм. С формальной точки зрения кажется очевидной производность этой формы от причастия НСВ на *-ala*. Тем не менее, это сходство не отражается напрямую в употреблении финитной формы, которая выражает либо значение долженствования, либо нейтральное значение будущего времени (в последнем случае она синонимична Будущему основному на *-al*). Интересная особенность Будущего долженствования состоит в том, что у двух ее употреблений по-разному образуется отрицание — подобного эффекта не наблюдается ни у одной из прочих форм будущего времени, рассмотренных выше.

4.1. Форма на *-ala* в значении долженствования

Наиболее распространенный контекст употребления Будущего долженствования — это собственно деонтическая модальность: данная форма описывает необходимость осуществления ситуации, связанную (чаще всего) с социальными нормами либо установленным порядком, ср.:

(66) Муж обращается к жене: — К нам приехали сватать нашу дочь, нужно принять решение.

nana=nu, hun=al vi äjit-ä uk:-ala=nu.

мать=2SG ты=ADD твой слово-DAT говорить-DEB=2SG

Ты мать, ты тоже свое слово должна сказать. [Кеҗааги 2001: 52]

(67) (О приготовлении плова.) Когда вода закипит, кладем рис вариться.

birinz uže bel=jan=в-sa, č:evk:-ala=ne,

рис уже смотреть=1PL=ST-PRS вынимать-DEB=3SG

č:ev=jan=k-sa...

вынимать=1PL=ST-PRS

Потом смотрим, рис уже нужно вынимать, и вынимаем...

Как было показано выше, в высказываниях «нормативного» характера, описывающих различного рода правила, нередко используется и Будущее потенциальное на -о (в генерическом значении). Однако в отличие от этой формы, которая выражает лишь общие закономерности, Будущее долженствования подчеркивает обязательства конкретных участников по выполнению конкретных действий, ср. также контраст обеих форм в примере (69):

(68) (Из ритуальных правил.) После похорон сразу в дом не входят.

k:oј-a bak-ala amdar-χo tur-el hajz-ala:t:un,

дом-DAT быть-PART человек-PL нога-SUPER вставать-DEB=3PL

пер:аχ amdar bu=ne, тивур-b-i hajzevk:-ala:t:un.

спящий человек COP=3SG будить-LV-AOC поднимать-DEB=3PL

Находящиеся в доме люди должны встать, а если есть спящие, их нужно разбудить и поднять на ноги. [Кеҗааги 2001: 111]

(69) äjl-in 40 č:ev-amun šo-t:-o har vi

ребенок-GEN 40 выходить-TERM DIST-NO-DAT каждый день

oc:k:al:t:un=d-o. sift:in 7 vi šo-t:-o kalna-n,

купать=3PL=LV-POТ первый 7 день DIST-NO-DAT бабушка-ERG

kalna nu=bak-aji-n, dädä-n oc:k:al-d-ala=ne.

бабушка NOT=быть-COND=2/3SG тетя-ERG купать-LV-DEB=3SG

До того как ребенку будет 40 дней, его каждый день моют (~ принято мыть). Первые 7 дней его должна мыть бабушка, а если бабушки нет, то тетя (сестра отца). [Кеҗааги 2001: 111]

В значении долженствования данная форма принимает при отрицании показатель *ni-*, используемый главным образом с нефинитными и/или неиндикативными формами (см. подробнее [Майсак, наст. сб.]). Ср. пример из текста, в котором обсуждаются правила принесения животных в жертву: речь здесь идет о том, что при раздаче жертвенного мяса хозяин обязательно отдает голову животного другим людям:

- (70) bul-a iz k:ɔŋʒɪʉv-ɔn nu-eɪχ-t-ala-ne¹³.
 голова-DAT свой хозяин-ERG NOT=брать-LV-DEB=3SG
Голову (животного) хозяин не должен забирать.

4.2. Форма на *-ala* в значении будущего времени

В значении нейтрального будущего форма на *-ala* синонимична Будущему основному. Заметим, что почти все имеющиеся примеры употребления на футуральное значение Будущего долженствования содержат отрицание, причем это стандартное отрицание индикативных форм с частицей *te-*, ср.:

- (71) Хозяин орехового сада рассердился, увидев в своем саду стадо овец. Однако пастух пообещал ему:
 ene sūrū-n-ä ereq:ɪʉv-a ak:-ala te-nu.
 еще стадо-O-DAT ореховый.сад-DAT видеть-DEB NEG=2SG
Больше ты в своем саду стадо не увидишь! [Keçaaḡi 2001: 127]
- (72) После долгих приключений в лесу внук говорит бабушке:
 kalna, zu sa=al č:äläj-e taχ-ala te-zu.
 бабушка я один=ADD лес-DAT уходить-DEB NEG=1SG
Бабушка, больше я в лес не пойду. [Keçaaḡi 2001: 123]
- (73) Хозяин дома спрашивает строителя, построившего ему стену:

¹³ Заметим, что считать примеры вроде (70) предложениями с отрицательным причастием в роли именной части сказуемого — типа «хозяин есть не-забирающий голову» — никак нельзя. Субъект переходного глагола в данном случае обязательно стоит в эргативе (ср. *k:ɔŋʒɪʉv-ɔn* ‘хозяин-ERG’); более того, предложение **iz k:ɔŋʒɪʉv bul-a ni-eɪχ-t-ala-ne* с абсолютивом признается неграмматичным. См. также обсуждение причастия на *-ala* в статье [Ландер, наст. сб.].

ust:a, bari mökkäm=e? car-ec-i **bar-ala**
 мастер стена прочный=3SG разрушаться-LV-AOC **рассыпаться-DEB**
te-ne?

NEG=3SG

Мастер, это крепкая стена? Она не развалится? [КеҫаагӀ 2001: 134]

Судя по всему, утвердительная форма Будущего долженствования в чисто футральном значении не используется (эта ниша полностью «закреплена» за Будущим основным). Нейтрализация форм на *-al* и на *-ala* в значении будущего времени заметна и в отрицательных предложениях: так, по мнению носителей языка, форма на *-ala* предпочтительна именно при постпозитивном расположении клитического комплекса, как в примерах выше, — тогда как при его препозиции возможна только форма на *-al* (ср. *ев-ala te-ne*, но *te-ne ев-al* ‘не придет’, при спорности ^{??}*ев-al te-ne* и ^{??}*te-ne ев-ala*).

4.3. Семантика Будущего долженствования в прошедшем

Форма на *-ala* с показателем «ретроспективного сдвига» является достаточно точным аналогом исходной формы в плане прошлого — в качестве модальной формы долженствования она описывает необходимость осуществления ситуации, имевшую место в прошлом, ср.:

(74) k:odov-o hik:ä sam-ec-e-ne, šon-o-al
 лоб-DAT что:NA быть.написанным-LV-PERF=3SG DIST-NA=ADD

bak-ala-ne-j.

быть-DEB=3SG=PST

Что на лбу написано, тому и суждено было случиться. [КеҫаагӀ 2001: 117]

(75) mo **nu-bak-ala-ne-j,** ama ba-ne-k-i.
 PROX+NA **NOT=быть-DEB=3SG=PST** но быть=3SG=ST-AOR

Этого не должно было случиться, но это случилось.

(76) zarafat te-ne, sac:c:e tan dav-in-a
 шутка NEG=3SG одиннадцать человек война-O-DAT

tav-ala-ne-j.

уходить-DEB=3PL=PST

Это не шутка, 11 человек должны были отправиться на войну. [Кечаари 1996: 65]

Наряду с этим, Будущее долженствования в прошедшем, так же как и прочие футуральные формы с ретроспективным показателем, выражает контрфактическую ситуацию, употребляясь в ирреальных условных предложениях:

(77) zu t:ija nu-bak-iji-zu-j, šo-t:-in mo
я DLOC NOT=быть-CTRF=1SG=PST DIST-NO-ERG PROX+NA
uk:-ala te-ne-j.
говорить-DEB NEG=3SG=PST

Если бы меня там не было, он бы этого не сказал.

Особенностью Будущего долженствования является способность выступать в сочетании с глаголом *bak-es* 'быть, стать' в роли вспомогательного глагола. Чаще всего встречаются сочетания с формой на *-ala* и глаголом *bak-es* в прошедшем времени (Аористе или Перфекте) — такие конструкции описывают намерение либо необходимость совершить действие в прошлом, ср.:

(78) Два соседа годами находились в ссоре.
sa vi sun-aχun χavar-nut: šäki-n-ä bazar-e
один день друг.друга-ABL известие-без Шеки-O-DAT базар-DAT
tak-ala-t:un bak-i.
уходить-DEB=3PL быть-AOR

В один день случилось так, что они оба, не сказав друг другу, решили пойти на базар в Шеки. [Кечаари 2001: 137]

(79) Каман вернулся домой, но у его жены как раз начались схватки.

k:aman-en täzä č:eq:-i torok:al-p:at:p:al-a
Каман-ERG снова снимать-AOC лапоть-портянка-DAT
tara-d-i **lak:-ala-ne bak-i.**
поворачивать-LV-AOC надевать-DEB=3SG быть-AOR

Каману снова пришлось надевать снятую обувь. [Кечаари 1996: 13]

Отметим также сочетания с формами косвенных наклонений глагола *bak-es* — в примере (80) это Кондиционал, в примере (81) это Контрфактив:

- (80) ägär me äš **düz-bak-ala** **bak-aji-n**,
 если этот работа **получаться-LV-PART** **быть-COND=2/3SG**
 χüjär-i bava-n neχ-e=ki flan vi-n-e
 девушка-GEN отец-ERG говорить:PRS=3SG=COMP некий день-O-DAT
 beš k:oj-a ej-es ba-nan-k-o.
 наш дом-DAT приходить-INF быть=2PL=ST-POT
{О сватовстве.} Если дело идет на лад, отец девушки говорит,
дескать, в такой-то день вы можете прийти к нам домой.
- (81) **taχ-ala** **bak-iji-n-ij**, har-i jaχ
уходить-DEV **быть-CTRF=3SG=PST** приходить-AOC мы:DAT
 u=pe-k:-o=j.
 говорить=3SG=ST-POT=PST
Если бы он собирался уехать, он бы пришел и сказал нам.

Во всех подобных случаях значение необходимости выражает собственно форма на *-ala*, тогда как временную и дополнительную модальную рамку ситуации задает вспомогательный глагол.

4.4. Происхождение Будущего долженствования

Как и Будущее основное, Будущее долженствования имеет, казалось бы, очевидный (с морфологической точки зрения) источник среди нефинитных форм — если для Будущего основного это отглагольное имя деятеля на *-al*, то для Будущего долженствования это причастие НСВ на *-ala*. Поэтому логично было бы полагать, что исходно Будущее долженствования представляет собой сочетание причастия НСВ и глагола-связки настоящего времени типа **mono uk-ala sor-ne* ‘он есть тот-который-говорит’. Правда, в отличие от причастия СВ, на основе которого возник «второй Перфект», в данном случае причастие НСВ выступает в аналогичной конструкции в исходной (атрибутивной) форме, а не в субстантивированной форме абсолютива единственного числа на *-o* типа *uk-al-o* ‘тот, кто говорит’.

Подобный сценарий исторического развития имеет тот недостаток, что значение Будущего долженствования не соотносится напрямую со значением причастия НСВ на *-ala*, которое в современном языке используется прежде всего при выражении одновременности, но не при выражении долженствования. Никаких имперфективных

значений, которые можно было бы ожидать у формы, производной от причастия НСВ, Будущее долженствования не выражает. Нет и оснований предполагать наличие у него каких-то имперфективных значений на более раннем этапе — в частности потому, что сама по себе эта форма кажется достаточно «молодой» и, вероятнее всего, позже других футуральных форм вставшей на путь грамматикализации.

Из двух современных значений данной формы исходным следует признать модальное значение долженствования. Во-первых, именно при выражении данного значения маркирование отрицания у финитной формы происходит по нефинитной стратегии (ср. пример (70) выше). Причиной этого вполне может быть сохранение у данной формы «исторической памяти» о ее исходной структуре, в которой показатель отрицания принимало причастие НСВ, а не глагол-связка (т. е. исходное отрицательное предложение характеристики имело вид «он есть не-долженствующий-сделать», а не «он не-есть долженствующий-сделать»)¹⁴.

Во-вторых, семантическая эволюция формы со значением долженствования в форму будущего времени является крайне распространенным явлением, засвидетельствованным во многих языках мира

¹⁴ Постепенную смену «нефинитного» отрицания «финитным» можно предполагать как минимум еще для одной видо-временной формы, а именно Будущего основного на *-al*. В современном ниджском диалекте ее отрицательный эквивалент образуется только при помощи частицы *te-*, однако еще в переводе Четвероевангелия на варташенский диалект (осуществленном в последние годы XIX в.) имеются многочисленные примеры использования с данной формой показателя «нефинитного» отрицания *nut*. Морфема *nut* в варташенском диалекте является аналогом ниджского *ni-* и располагается в препозиции к форме Будущего основного; в переводе Евангелий она более частотна в качестве показателя отрицания при данной форме, чем частица *te-* (всегда занимающая постпозитивную позицию). При этом какая-либо разница в значении между отрицательными формами с *nut* и с *te-* вроде бы отсутствует, ср.: *te šägird nut bi-al-le* ‘ученик тот не умрет’ (Ин. 21: 23) и *šotux ukalo bi-al-te-ne* ‘ядущий его не умрет’ (Ин. 6: 50) [Бежанов 1902]. С другими финитными формами *nut* в переводе Четвероевангелия не встречается. Помимо данного перевода, использование отрицания *nut* с Будущим основным в варташенском диалекте отмечается и в [Дирр 1904: 75—76], ср. также [Harris 2002: 118, 123].

(в частности, именно такой путь развития прошли конструкции с глаголом *habēre* и инфинитивом в романских языках), см. подробнее [Bybee et al. 1994: 258—264]. Данный семантический переход мотивирован тем, что необходимость осуществить некоторое действие чаще всего влечет намерение субъекта осуществить это действие и с большой вероятностью приводит к его осуществлению (ср. ‘я должен скоро уйти’ > ‘я собираюсь скоро уйти’ > ‘я скоро уйду’). Для форм будущего времени, восходящих к долженствовательным конструкциям, характерны оттенки значения, связанные именно с намерением субъекта либо с предопределенностью ситуации; аналогичные оттенки свойственны и уединской финитной форме на *-ala*. В целом, указанный выше путь грамматикализации для нее вполне вероятен: на современном этапе данная форма уже вторгается в футуральную область, вступая в отношения конкуренции с главной формой будущего времени на *-al*, — хотя в качестве средства выражения временной референции к будущему она все еще периферийна.

Мы предполагаем, что значение долженствования/намерения возникло у конструкции с причастием НСВ в тех случаях, когда оно использовалось при описании «запланированного будущего» (т. е. исходная структура типа **mono uk-ala COP-ne* означала не ‘он есть тот-который-говорит’, а ‘он есть тот-который-скажет’). Значение следования во времени характерно для причастия НСВ в современном языке, хотя оно и является сравнительно периферийным; ср. обсуждение в [Майсак, наст. сб.]. Такое значение в целом свойственно имперфективным формам, которые стандартно используются для описания тех последующих событий, которые уже запланированы к точке отсчета, т. е. о них можно говорить как об уже происходящих (ср. использование настоящего времени в русском языке в контекстах типа *Послезавтра я еду в Баку, В следующий четверг мы проводим заседание отдела* и т. п.).

Стоит отметить, что для Будущего долженствования характерны достаточно строгие ограничения, связанные с расположением личных клитик: их инфиксальное расположение невозможно, а при перемещении отрицательного комплекса *te-ne* в препозитивную позицию носители предпочитают использование формы на *-al*, а не *-ala*. Подобные ограничения (наряду с использованием «нефинитного»

отрицания, см. выше) могут указывать как раз на сравнительно позднее появление данной формы в видо-временной системе. При этом бросается в глаза тот факт, что некоторые из этих особенностей Будущего долженствования — это и невозможность инфиксации личных клитик, и «нефинитное» отрицание, — разделяет и Будущее основное на *-al* в варташенском диалекте (по крайней мере, согласно описанию [Harris 2002]). Сама гипотеза Э. Харрис о происхождении Будущего основного из конструкции со значением предопределенности в большей степени подходит именно для Будущего долженствования — если эта форма действительно возникла из сочетания с причастием (находившимся в фокусной позиции), то находит объяснение то, что в качестве финитной формы она также предпочитает «исходное» расположение личных клитик в конечной позиции. Со временем можно ожидать ослабление подобных ограничений, что мы можем видеть в ниджском диалекте на примере Будущего основного на *-al*, которое допускает как препозитивное расположение комплекса с отрицанием *te-* (при невозможности отрицания *ni-* с данной формой), так и — хотя и крайне редко — инфиксальное расположение данного комплекса.

5. Конъюнктив на *-a* — от презенса к косвенному наклонению

Удинская форма на *-a* (в описаниях оно, как правило, называется «сослагательным наклонением») достаточно необычна для видо-временной системы языка лезгинской группы. В лезгинских, равно как и нахско-дагестанских языках в целом, сентенциальные актаны (в т. ч. при модальных глаголах типа ‘хотеть’ или ‘быть нужным’) стандартно выражаются нефинитными формами, такими как инфинитив, масдар, разного рода причастия и деепричастия. Особые финитные формы, которые бы оформляли именно зависимые при модальных предикатах, в этих языках обычно не встречаются. С другой стороны, формы типа конъюктива достаточно характерны для языков, окружающих удинский — в частности, для иранских, армянского, грузинского, азербайджанского. С большой долей уверенности

можно предполагать, что специализация удинской формы на *-a* в зависимых контекстах произошла под влиянием других языков. Исходно Конъюнктив, скорее всего, входил в презентную подсистему индикатива, как мы попробуем показать ниже.

5.1. Конъюнктив в зависимом предложении

Конъюнктив является стандартным средством оформления придаточного предложения при предикатах ‘хотеть’, ‘нужно’, ‘возможно’, ‘опасаться’, ‘позволять’ и др. — в случае, если придаточное выражает нереализованную ситуацию. Показатель зависимости чаще всего отсутствует, хотя она и может оформляться при помощи союза *ki* (энклитически примыкающего к главному глаголу), ср.:

- (82) Прохожие хотели вытащить пьяного из канавы и разбудили его, на что он отреагировал следующим образом:

čur-nan-sa za hajzevk:-a-nan, bezi ga-l-a
хотеть=2PL=LV+PRS я:DAT поднимать-SUBJ=2PL мой место-O-DAT

bask:-a-nan?

ложиться-SUBJ=2PL

*Вы что, хотите меня **поднять** и **лечь** на мое место?* [Keçaari 2001: 133]

- (83) Родители обсуждают необходимость женить сына: — Мы уже старые.

k:oj-a bin-e buq:-o, aIm-aI eIχ-t:-a-ne.
дом-DAT невестка=3SG нужно-POT рука-DAT **брать-LV-SUBJ=3SG**

*В доме нужна невестка, **чтобы помогала.*** [Keçaari 2001: 53]

Заметим, что Конъюнктив может использоваться как в случае, когда субъект модальности тождествен субъекту действия, описываемого в зависимом предложении (ср. (82)—(83) выше), так и при отсутствии их кореферентности, ср.:

- (84) bava-n čur-e-sa ki zu institut-a
отец-ERG хотеть=3SG=LV+PRS COMP я институт-DAT

baв-a-z.

входить-SUBJ=1SG

*Отец хочет, **чтобы я поступил** в институт.*

- (85) te-z bar-k:-o bez viči **bij-a-ne!**
 NEG=1SG пускать-LV-POT мой брат **умирать-SUBJ=3SG**
*Я не допущу, **чтобы** мой брат **умер!*** [Кечаари 1996: 15]

Как и две другие неиндикативные формы, используемые в придаточных предложениях (Кондиционал и Контрфактив), Конъюнктив в отрицательных зависимых выступает с частицей *ni-*, а не *te-*, ср.:

- (86) ba-ne-k-o (ki) **nu-ek-a-z.**
 быть=3SG=ST-POT COMP NOT=приходить-SUBJ=1SG
*Возможно, я **не** приду.*
- (87) q:iI=za-b-sa (ki) nana za **veI-nu-bak-a-ne.**
 бояться=1SG=LV-PRS COMP мать я:DAT **верить=NOT=LV-SUBJ=3SG**
*Я боюсь, что мама мне **не поверит.***

Помимо оформления синтаксических зависимых у нефактивных предикатов, Конъюнктив используется в других типах придаточных при введении нерелевантной ситуации, ср.:

- (88) (Из легенды о происхождении черепахи.) Не желая, чтобы ее увидели в ванной обнаженной, девушка обратилась к Богу:
 za tär-b-a ki, zu q:oIdi **bak-a-z...**
 я:DAT отпускать-LV-IMP COMP я черепаха **быть-SUBJ=1SG**
*Выпусти меня, **чтобы** я **стала** черепахой {и вышла незамеченной}.*
- (89) hik:al č:ar: šej bu-te-ne ki, oša šo
 ничто скрытый вещь COP=NEG=3SG COMP потом DIST+NA
ni-qaj-ek-a-ne.
 NOT=открываться-LV-SUBJ=3SG
*Нет ничего тайного, что потом **не стало бы известным.***

5.2. Конъюнктив в независимом предложении

В независимом предложении Конъюнктив используется в особом типе высказываний с 1-м лицом единственного числа — они представляют собой своего рода «самопобуждение», когда говорящий предлагает (слушающему либо самому себе) осуществить некоторое действие, признавая его необходимость, ср.:

- (90) ек-і¹⁵, zu va **kömäj-b-a-z!**
 приходить-IMP я ты:DAT помогать-LV-SUBJ=1SG
Давай я тебе помогу!
- (91) ај буџаџџуџ, vi belši **bij-a-z**¹⁶.
 ВОС Бог твой перед умирать-SUBJ=1SG
{Из легенды о черепахе.} О, Господи, пусть я умру перед тобой!
- (92) Разговор по телефону: — Отец дома? — Нет, еще не пришел.
 ев-ат:ап hikä **uk:a-z?**
 приходит-TEMP что:NA говорить-SUBJ=1SG
Когда он придет, что мне (ему) сказать? (~ что мне следует, что я должен сказать)? [Аудинов, Кеџаари 1996: 39]
- (93) Вернувшись домой, муж обнаружил, что у его жены начались схватки. Он решает:
 матаџип-а **тав-а-з,** **еџ-а-з.**
 повитуха-DAT уходить-SUBJ=1SG приводить-SUBJ=1SG
Пойду-ка я и приведу (~ надо мне пойти и привести) повитуху. [Кеџаари 1996: 13]

В отрицательных высказываниях такого рода используется стандартный показатель повелительных высказываний *та-*, а не *пи-*, ср.:

- (94) ек-і, zu ве **ма-тав-а-з,** äjč:ä
 приходить-IMP я сегодня PRON=уходить-SUBJ=1SG завтра
 sagala тав-еп.
 вместе уходить-NORT
Давай я сегодня не поеду, поедем завтра вместе!

Независимое использование Конъюнктива в других личностных формах не отмечается. Заметим, однако, что в аналогичных высказываниях с 1-м лицом множественного числа употребля-

¹⁵ Форма Императива глагола 'приходить' стандартно выступает в удинском языке в повелительных высказываниях в роли грамматикализованной гортативной частицы (типа русск. *давай*).

¹⁶ Ср. также выражение *bij-a-z vajna (vaļjna)*, букв. «пусть я умру ради тебя (вас)», которое используется в функции ласкового обращения (типа «дорогой мой»/ «дорогие мои»).

ется особая форма Гортатива на *-en*, которая, вполне вероятно, сама происходит из Конъюнктива (ср. *tav-en* 'давайте пойдём' < ?**tav-a-jan*). В целом, независимый Конъюнктив 1-го лица ед. ч. можно относить к подсистеме повелительного наклонения, представленного также Гортативом (1-е лицо мн. ч.), Императивом (2-е лицо) и двумя Юссивами (3-е лицо).

5.3. Семантика Конъюнктива прошедшего времени

Конъюнктив прошедшего времени является аналогом исходной формы в «плане прошлого» и используется в зависимом предложении в случае, если главный предикат выступает в прошедшем времени, ср.:

(95) *ajizlu-n-en te-ne ava-j hik:ä b-a-ne-j.*
 сельский-O-ERG NEG=3SG знающий=PST что:NA делать-SUBJ=3SG=PST
Крестьянин не знал, что ему делать. [Keçaaŋi 2001: 113]

(96) В курятнике сидели куры.

tülki-n-en häräkät=e-b-sa-j šo-t:-ov-o
 лиса-O-ERG спешить=3SG=LV-PRS=PST DIST-NO-PL-DAT
biq:-a-ne-j.
 ловить-SUBJ=3SG=PST

Лиса спешила, чтобы поймать их (кур в курятнике). [Aydinov, Keçaaŋi 1996: 39]

В этом контексте, впрочем, не является строго обязательным именно употребление данной формы: ср. примеры, в которых главный предикат имеет форму Аориста, однако в зависимом употреблен Конъюнктив настоящего времени без клитики *-j*:

(97) *čur-jan-c-i tašer-i bazar-e toj-d-a-jan.*
 хотеть=1PL=LV-AOR уводить-AOC базар-DAT продавать-LV-SUBJ=1PL
{Была у нас корова.} Решили мы ее отвести на базар и продать.

(98) *č:ovak-al-t:-ov-on čur-t:un-c-i šo-t:-o*
 проходить-PART-NO-PL-ERG хотеть=3PL-LV-AOR DIST-NO-DAT
хе-n-e bošt:an č:evk:i koj-a taš-a-t:un.
 вода-O-DAT изнутри вынимать-AOC дом-DAT уносить-SUBJ=3PL
Прохожие хотели его {пьяного, лежащего в канаве} вытащить из воды и отвести домой. [Keçaaŋi 2001: 133]

Употребление Конъюнктива прошедшего времени в независимом предложении не засвидетельствовано.

5.4. Происхождение Конъюнктива

Удинский Конъюнктив, как мы уже отмечали выше, является достаточно нетипичной формой для языка «среднедагестанского стандарта», и его диахроническое развитие также далеко не тривиально. Ключевыми для выяснения происхождения данной формы являются, на наш взгляд, две ее особенности. Во-первых, Конъюнктив образован от основы НСВ и, более того, формально совпадает (за вычетом лично-числовых клитик) с деепричастием образа действия на *-а*. Во-вторых, при наличии у него таких признаков стандартных финитных форм индикатива, как обязательное лично-числовое согласование и противопоставление настоящего и прошедшего времени (последнее образуется при помощи частицы *ʔj*), Конъюнктив находится за пределами индикатива — он ограничен нефактивными зависимыми и особым типом повелительных высказываний, но не используется при выражении суждений (которые могут оцениваться как истинные или ложные).

Факт совпадения формы Конъюнктива с деепричастием образа действия (деепричастием НСВ) дает достаточно оснований для того, чтобы считать его исторически производным именно от этой формы. Соответственно, суффикс *-а*, являющийся в настоящее время показателем Конъюнктива, исходно представляет собой показатель деепричастия, а в более ранней перспективе это, по всей видимости, просто маркер несовершенного вида¹⁷.

Можно предполагать два варианта развития, результатом которого стало появление формы Конъюнктива с дистрибуцией, наблю-

¹⁷ Показатель НСВ *-а* в этом смысле противопоставлен показателю СВ *-i* (выступающему в деепричастии/причастии СВ и ряде других форм); оба они могут быть возведены к пралезгинскому аблауту, служившему одним из средств выражения вида. О маркировании видовых основ в лезгинских языках см. подробнее [Алексеев 1985: 85—87; Nikolayev, Starostin 1994: 166—169, 173—178], — заметим, однако, что данные авторы не рассматривают удинский в числе языков, сохраняющих видовую оппозицию.

даемой в современном языке. Во-первых, в косвенных контекстах могло использоваться непосредственно деепричастие НСВ, т. е. нефинитная форма — тем более что во всех лезгинских языках нефинитная стратегия оформления зависимых при предикатах типа ‘хотеть’, ‘должен’ и пр. является доминирующей. В таком случае использование отрицания *ni-* у зависимого Конъюнктива закономерно объяснялось бы его происхождением (у исходной нефинитной формы и не могло быть другого отрицания), а появление обязательного личного согласования у данной формы следует считать вторичным явлением¹⁸. Данная гипотеза, однако, имеет определенные минусы. Прежде всего, некоторые глаголы, которые могут управлять Конъюнктивом, сами по себе и так способны иметь сентенциальный актанта в нефинитной форме (прежде всего при кореферентности субъекта действия с субъектом модальности), причем не в форме деепричастия НСВ — например, глагол *bak-es* в значении ‘мочь’ управляет инфинитивом (см. примеры в разделе 1.4), а глагол *čur-es* ‘хотеть’ — масдаром, ср.:

(99) *k:oj-a taj-sun=t:un čur-ec-i.*

дом-DAT **уходить**-MSD=3PL хотеть-LV-AOR

*Они хотели **пойти** домой.* [КеҫаагI 2001: 123]

В этом смысле не очень понятно, почему в качестве еще одной стратегии оформления сентенциального актанта было использовано деепричастие НСВ, а, например, личное согласование не распространилось на исходный инфинитив или масдар (как это, по одной из версий, произошло в ицаринском). Более того, кажется странным и то, что для оформления сентенциального актанта при указанных

¹⁸ Такое «вторичное» согласование в принципе не является уникальным — ср., в частности, гипотезу А. А. Магометова о то, что «спрягаемый инфинитив» ицаринского диалекта даргинского языка (которому в большинстве других диалектов соответствует неизменяемая нефинитная форма) мог появиться в результате позднего распространения личного согласования на эту форму [Магометов 1978: 275]. Впрочем, точку зрения о вторичности личного согласования в ицаринском инфинитиве разделяют не все исследователи, см. подробнее критический обзор существующих мнений в [Муталов 2002: 147—154].

выше глаголах было выбрано именно деепричастие НСВ — в частности, что касается глагола ‘хотеть’, то для лезгинских языков наиболее характерно оформление его зависимого инфинитивом, либо (при отсутствии кореферентности субъектов главного и зависимого предложений) деепричастием совершенного вида¹⁹, ср. примеры из рутульского языка:

(100) Зас вахда **гакъас** йигара.
я(DAT) на.тебя **смотреть(INF)** хотеть(PRS)
Я хочу посмотреть на тебя. [Махмудова 2001: 159]

(101) Зас вы хала **ъаргыр** йигара.
я(DAT) ты в.доме **оставаться(PF)** хотеть(PRS)
Я хочу, чтобы ты остался дома. [Махмудова 2001: 16]

Наконец, при исходной «деепричастной» гипотезе трудно объяснить независимые употребления Конъюнктива (разве что также как вторичные, возникшие у формы, постепенно приобретшей модальное значение). Опять-таки, здесь можно вспомнить, что независимые модальные употребления в дагестанских языках отмечаются скорее у инфинитивов, однако для деепричастий они совершенно нехарактерны.

Так или иначе, более разумным нам видится другой вариант возникновения Конъюнктива, опирающийся на уже знакомую нам эволюцию «старого презенса». Действительно, исходной структурой для Конъюнктива можно предполагать не зависимое деепричастие, а финитную форму с деепричастием НСВ и глаголом-связкой настоящего времени, ср. структуру типа **mono uk-a sor-ne* ‘он есть в-процессе-говорения’. (Для такой финитной формы вполне закономерно не только личное согласование, но и наличие эквивалента в плане прошлого с частицей *-j*.) Подобная конструкция с наибольшей вероятностью имела бы презентное значение — на это указывают как многочисленные типологические параллели, так и данные других лезгинских языков, в которых формы настоящего времени

¹⁹ По данным А. Е. Кибрика, в лезгинском, табасаранском, агульском, цахурском, рутульском языках при оформлении зависимого глагола ‘хотеть’ используется инфинитив либо деепричастие СВ, в арчинском — только инфинитив, в крызском — «целевая форма совершенного вида», и лишь в будухском — «форма несовершенного вида» [Кибрик 2003: 500 и сл.].

стандартно состоят из деепричастия НСВ и глагола-связки; в качестве примеров ср. презенсы или хабитуалисы в агульском, арчинском, рутульском и цахурском языках [Maisak, to appear].

Итак, удинский Конъюнктив — так же, как и некоторые другие формы от основы НСВ, рассмотренные выше, — исторически скорее всего был презентной формой индикатива. Судя по исходной «процессной» структуре — ‘находиться в процессе осуществления действия’, — его исходное значение вряд ли было хабитуальным (в отличие, например, от Будущего основного), скорее всего это было наиболее общее настоящее время. Вступив на путь семантического развития, схематически изображенный в (53) в разделе 2.6, форма на *-a* приобрела модальное значение возможности — однако в отличие от Будущего основного или Будущего потенциального, которые также изначально входили в презентную область, дальнейшая ее судьба сложилась иначе. Форма на *-a* не только перестала быть презентом индикатива, но не стала и будущим временем, а полностью вышла из системы финитных индикативных форм и сохранилась лишь в зависимых предложениях, выражающих неосуществленные (потенциальные) ситуации. Заметим, что аналогичный путь развития «от презенса индикатива к конъюнктиву» характерен для целого ряда языков мира: например, он обсуждается на примере армянского языка и каирского диалекта арабского в работе [Bybee et al. 1994: 230—236], близкая ситуация наблюдается в персидском, хинди/урду и цаконском греческом [Haspelmath 1998: 41—45]²⁰.

Судя по всему, для удинской формы подобный переход от презенса индикатива к презенсу конъюнктива стал возможен только после существенной перестройки в синтаксисе сложного предложения — после того, как в удинском языке возникла финитная страте-

²⁰ Объяснение этому пути, предложенное Дж. Байби и др., состоит в том, что именно зависимым предложениям свойственно сохранять более консервативную структуру: новые видо-временные формы распространяются прежде всего в независимых утвердительных высказываниях и лишь позднее охватывают придаточные. Поэтому именно в придаточных предложениях (тем более с модальным значением) могут сохраняться формы, уже вышедшие из употребления в прочих контекстах «под натиском» более молодых форм — в данном случае, «новых презенсов».

гия оформления сентенциальных зависимых (по крайней мере, придаточных дополнительных). Произошла подобная перестройка скорее всего в результате контактов с теми языками, в которых финитная стратегия широко распространена — в частности, под индоевропейским и тюркским влиянием. Что касается именно эволюции «старого презенса» в конъюнктив, то она имеет прямые аналоги в таких языках Закавказского ареала, как армянский, персидский и татский — во всех из них более древняя форма настоящего времени сейчас сохраняется лишь в таких ограниченных контекстах, как зависимые при модальных предикатах, особые типы повелительных либо опативных предложений и т. п. Ср., в частности, примеры употребления в современном персидском языке настоящего времени сослагательного наклонения, которое представляет собой бывший презенс, образованный от основы несовершенного вида:

- (102) šāyad dir **kon-am.**
 возможно поздно **делать(IPF)-1SG**
Возможно, я опоздаю. [Рубинчик 2001: 250]
- (103) dar-gā bāz **kon-am?**
 дверь-DO:DEF открытый **делать(IPF)-1SG**
*Мне **открыть** дверь?* [Рубинчик 2001: 250]

В этой связи нельзя исключать, что по крайней мере часть употреблений удинского Конъюнктива могла появиться не в результате собственно внутриязыковой семантической эволюции данной формы, а в результате калькирования соответствующих употреблений у функционально близких форм в других языках. Калькирование контекстов употребления в некоторых случаях могло быть поддержано и формальной близостью: так, например, азербайджанское «желательное наклонение», по типу использования чрезвычайно схожее с удинским Конъюнктивом, имеет и фонетически близкий показатель *-a* || *-ə* (за которым также следуют лично-числовые морфемы), ср. [Ширалиев, Севортян (ред.) 1971: 117—119].

Что же касается использования с удинским Конъюнктивом разных отрицательных показателей, то оно, как нам кажется, имеет чисто функциональную природу: в зависимых контекстах используется стандартное нефинитное отрицание *ни-*, тогда как в повели-

тельных высказываниях с первым лицом — отрицание *ma-*, опять-таки стандартное для повелительных предложений. Такое распределение скорее всего появилось уже после вытеснения Конъюнктива в нефинитную/неиндикативную зону. Можно полагать, что в эпоху, когда Конъюнктив был основной презентной формой удинского языка, он имел стандартное для утвердительных форм отрицание с частицей *te-*.

В заключение рассмотрим достаточно необычный сценарий происхождения Конъюнктива, представленный в книге [Harris 2002: 274—275]. По мнению автора, показатель Конъюнктива *-a* в конечном итоге происходит из юссивной клитики *qa-*, которая исторически могла являться вспомогательным глаголом. Следующим образом у Э. Харрис представлена формальная эволюция формы условного наклонения на *-ai-* || *-aji-* (под звездочкой даны предположительные формы)²¹:

**bak-i qa-ne* > **bak-i qa-n* > **bak-i a-n* >
**bak-i a-n* > *bak-a-i-n* ‘если станет’.

Таким образом, согласный /q/ со временем выпал и произошла метатеза гласных /ia/ > /ai/. Далее на основе Кондиционала *bak-a-i-n* развился Конъюнктив *bak-a-n* — в условной форме *-i-* стало расцениваться как клитика прошедшего времени, которая затем выделилась из состава формы (ср. Конъюнктив прошедшего времени *bak-a-ne-j*).

Данный сценарий, как представляется, страдает большой произвольностью в постулировании разного рода фонетических процессов; да и в целом нет оснований увязывать эволюцию Кондиционала и Конъюнктива. Гипотеза Э. Харрис не позволяет ответить на вопрос, почему Конъюнктив (как, впрочем, и Кондиционал) образуется от основы причастия НСВ, а не основы СВ, если исходной была форма **bak-i qa-ne* с Аористом смыслового глагола. Например, при данном подходе у глагола ‘говорить’ с супплетивным соотношением основ ожидалась бы форма Кондиционала **p-ai-n* и Конъюнктива **p-a-n* (из исходного **p-i-qa-n*), однако в реальности эти формы выглядят как *uk-aji-n* и *uk-a-n*. Кроме того, у нас нет уверенности, что следует отождествлять морфемы деепричастия совершенного вида *-i* (исходно, скорее всего,

²¹ В основе данного сценария лежит Юссив, образуемый от Аориста; подробнее о двух Юсвивах см. [Майсак, наст. сб.].

суффикс совершенного вида) и клитики прошедшего времени *-j* (исходно, скорее всего, связка прошедшего времени). Весьма проблематичной выглядит и сама возможность показателя деепричастия СВ *-i* дважды «оторваться» от своей исходной позиции — сначала поменяться местами с гласной *-a*, а затем еще и «переехать» на правую периферию словоформы.

Что касается предположения о том, что показатель Юссива *q:a-* (за которым всегда следует лично-числовая клитика) исходно представлял собой вспомогательный глагол, то оно кажется вполне разумным. Однако таким вспомогательным глаголом, скорее всего, как раз и был какой-то глагол в форме Конъюнктива на *-a*. Тем самым, более правдоподобно выглядит предположение о том, что это клитика Юссива *q:a-* — т. е. форма явно вторичная и менее морфологизованная, «полуаналитическая», — развилась на основе Конъюнктива, нежели наоборот²².

6. Заключение: «презентный дрейф» в эволюции удинской видо-временной системы

Итак, мы рассмотрели всю систему удинских глагольных форм настоящего и будущего времени индикатива и конъюнктива, а также их эквиваленты в «плане прошлого», маркированные показателем «ретроспективного сдвига» *-j*. Если теперь попытаться представить эту систему в функциональной перспективе, т. е. не по принципу «от формы к ее значению», а по принципу «от значения к выражающим его формам», то можно наблюдать следующую картину.

Основным средством выражения всей группы презентных значений (актуально-длительного, хабитуального, а также «настоящего исторического» и запланированного будущего) является собственно

²² Например, *q:a-n* могло появиться в результате редукции первого слога у формы Конъюнктива модального глагола *biq:-es* 'хотеть, быть нужным', ср. **biq:-a-ne* [хотеть-SUBJ=3SG] > *q:a-n*. В этом смысле выбор Аориста (совпадающего с деепричастием СВ) как опорной формы для клитики Юссива скорее всего определялся тем, что исходный модальный глагол управлял именно такой формой — что вполне вероятно для предиката типа 'хотеть' или 'нужно' (см. обсуждение выше).

Презенс на *-sa*. Никакие другие употребления, кроме презентных, ему не свойственны — более того, исторически Презенс скорее всего и возник именно как форма, подчеркивающая вовлеченность субъекта в процесс осуществления действия, т. е. как актуально-длительная аспектуальная форма (основой для которой послужила локативная модель 'субъект находится внутри ситуации'). Аналогичная специализированная форма дуратива на *-saḡ* имеется и в современном языке, однако занимает крайне периферийное положение. Кроме того, «остаточные» презентные значения выражает и Будущее потенциальное на *-o*, которое используется — хотя и ограниченно, — в генерических высказываниях, а также в роли нарративного времени.

Что касается подсистемы будущего времени, то в ней можно заметить определенную «перегрузку» — футуральных форм в удинском языке три, причем сфера использования каждой из них не является строго отграниченной от прочих. Уже упоминавшееся Будущее потенциальное на *-o*, исторически явно представляющее собой «старый презенс», в качестве футуральной формы в основном ограничено модальными контекстами, связанными с возможностью реализации описываемой ситуации. Основная форма будущего времени на *-al* по значению максимально нейтральна — с точки зрения как модальной, так и аспектуальной семантики, — хотя, вполне вероятно, она также восходит к «старому презенсу», полностью утратившему презентные употребления (в этом смысле форма на *-al* исторические скорее всего является еще более «старым» презенсом, чем форма на *-o*). Наконец, Будущее долженствования в футуральных употреблениях отчасти занимает ту же нишу, что и Будущее основное, — однако наряду с этим используется при выражении долженствования либо намерения в настоящем, причем эти модальные употребления следует считать исходными. В отличие от двух других футуральных форм, Будущее долженствования появилось не в результате эволюции «старого презенса», а на основе переосмысления значения долженствования. Судя по некоторым морфосинтаксическим особенностям данной формы (ограниченность в расположении клитик, а также использование «нефинитного» отрицания *ni-*), Будущее долженствования является еще сравнительно «молодой» формой, грамматикализовавшейся позже остальных.

Наконец, в подсистеме сослагательного наклонения имеется единственная форма Конъюнктива, которая описывает нефактивные пропозиции и используется главным образом в придаточных предложениях. Наиболее обоснованным кажется предположение о том, что данная форма также исходно была презентной — возможно, основной презентной формой индикатива удинского языка, — однако со временем ее эволюция пошла не только по пути приобретения модального значения возможности, но и по пути сужения допустимых для нее синтаксических контекстов. Конъюнктив вышел как из системы индикатива, так и из системы независимого предложения; исключением к последнему остаются повелительные высказывания, в которых Конъюнктив морфосинтаксически (например, с точки зрения маркирования отрицания) ведет себя как форма повелительного наклонения²³.

Тем самым, все финитные глагольные формы, исторически образованные от основы НСВ, полностью или частично утратили имперфективные значения; что же касается собственно Презенса, то он возник на основе локативной модели и происходит непосредственно от инфинитива, т. е. морфологически в подсистему НСВ не входит.

В целом, к типологическим особенностям удинской системы настоящих и будущих времен следует отнести:

- во-первых, с синхронной точки зрения, достаточно большую «скупенность» в подсистеме средств выражения референции к будущему (ср. Будущее основное, Будущее потенциальное и Будущее долженствования);
- во-вторых, с исторической точки зрения, неоднократное (как минимум, троекратное) повторение «презентного дрейфа», т. е. перехода презентной формы от выражения настоящего времени к выражению модальности возможности и далее к будущему времени индикатива либо к сослагательному наклонению (ср. Будущее основное, Будущее потенциальное и Конъюнктив).

²³ Напомним, что у значительного числа глагольных лексем — в т. ч. у всех регулярных глаголов, имеющих одну и ту же основу во всех формах парадигмы, — Императив и Конъюнктив имеют к тому же совпадающий показатель *-a* (ср. *bak-a* ‘будь’ ~ *bak-a-n* ‘чтобы ты был’ в единственном, *bak-a-nan* ‘будьте’/‘чтобы вы были’ во множественном числе 2-го лица).

При том, что обе названные особенности являются достаточно специфическими и во многом определяют типологическое своеобразие удинского языка, их нельзя назвать уникальными, — причем не только в общетипологической, но и в ареально-генетической перспективе.

Конечно, даже единственная специализированная форма будущего времени имеется далеко не в любом языке, и в родственных удинскому языках лезгинской группы есть и такие, в которых самостоятельного, не совмещенного с другими значениями, футурума просто нет. (Ср., в частности, лезгинский, где будущее время выражается формой на *-da*, которая также имеет хабитуальное значение; по происхождению это достаточно типичный для лезгинских языков «старый презенс», см. подробнее [Haspelmath 1998: 38—39; Maisak, to arrear].) Однако в родственных языках можно обнаружить примеры и еще большей «разработанности» футуральной зоны, нежели в удинском. Так, в агульском языке — в отличие от близкородственного лезгинского, — наряду со специализированным будущим временем имеются аналитические конструкции, выражающие будущее несовершенного вида и «предбудущее», а помимо этого футуральное значение с теми или иными модальными оттенками могут передавать еще четыре формы [Майсак, Мерданова 2003].

Что же касается неоднократного повторения «презентного дрейфа» в удинском языке, то оно действительно выглядит достаточно нетривиальным — по крайней мере, аналогичные случаи в типологической литературе как будто не отмечались. Вместе с тем, сами по себе примеры превращения «старого презенса» в футурум либо в конъюнктив вполне характерны для Закавказского ареала. В качестве примеров первого процесса достаточно привести азербайджанский и турецкий языки, в которых — как, впрочем, и в значительной части тюркских языков, — древняя форма презенса на *-r* стала футурумом (с оттенком возможности), частично сохранив такие презентные функции, как использование в нарративе и хабитуалис [Ширалиев, Севортян (ред.) 1971: 137—138; Тенишев (ред.) 1988: 399—409; Haspelmath 1998: 39]. Второй вариант эволюции «старого презенса» отмечен в армянском и персидском, в которых современное сослагательное наклонение восходит к древнеармянскому и, соответственно, древнеперсидскому презенсу [Haspelmath 1998: 43—45].

Любопытно, что в качестве одного из языков, в которых «презентный дрейф» имел место дважды, М. Хаспельмат также называет язык Закавказского ареала — а именно, татский (второй приводимый им пример касается сирийского арабского). В татском языке наиболее древний презенс, называемый также «аористом», сохранился лишь в зависимых предложениях с модальной семантикой. Возникший на его основе «новый презенс» с префиксом *mi-* постепенно стал настоящим-будущим временем, однако впоследствии также сузил свое значение и стал выражать только хабиитуалис, потенциальное будущее и «историческое настоящее» [Haspelmath 1998: 55]. Основной формой настоящего времени стал презенс, образованный от инфинитива — причем возможно, что развился он на основе локативной модели (см. также раздел 1.4 выше).

Не исключено, что некоторые особенности эволюции удинских видо-временных форм напрямую связаны с языковым контактами. Тем не менее стоит отметить, что даже на ареально-генетическом фоне удинская система настоящего и будущего времени выглядит весьма своеобразной: в частности, есть основания полагать, что «презентный дрейф» произошел в этой системе не дважды, а трижды, что, похоже, не имеет аналогов среди близких языков.

Бросается в глаза и чисто внутриязыковой параллелизм в развитии форм настоящего-будущего времени (от основы НСВ) и прошедшего времени (от основы СВ). Наиболее древняя форма прошедшего времени, Аорист типа *boχ-i-ne* ‘сварил’, и наиболее древняя форма настоящего времени, современный Конъюнктив типа *boχ-a-ne* ‘чтобы сварил’, восходят к сочетанию видового деепричастия и глагола-связки настоящего времени (условно, **boχ-i COP-ne* ‘сварив есть’, **boχ-a COP-ne* ‘варя есть’). Обе формы прошли долгий путь развития и в настоящее время полностью или частично вышли из своей исходной семантической зоны²⁴. На смену им пришли более молодые формы, в основе которых лежат уже другие конструкции. Среди них

²⁴ В частности, Аорист на *-i* в современном языке скорее занимает нишу «неактуального прошедшего», будучи противопоставленным двум регулярным формам Перфекта на *-e* и *-iŋo*, а также лексически ограниченному «сокращенному Перфекту»; см. [Майсак, наст. сб.].

можно отметить, в частности, формы, образованные от субстантивированных причастий — ср. их условные представления **boχ-i-o* COP-*ne* 'сваривший есть' («второй Перфект») и **boχ(-a)-o* COP-*ne* 'варящий есть' (Будущее потенциальное).

Полной аналогии между развитием подсистемы прошедшего и подсистемы настояще-будущего времени, конечно, нет. И связано это в первую очередь с тем, что именно в подсистеме настояще-будущего времени циклическое возникновение новых грамматических форм, с их последующим перемещением на периферию видо-временной системы, происходило неоднократно и было связано прежде всего с «презентным дрейфом».

В заключение отметим, что наши предположения об эволюции удинских глагольных форм опираются главным образом на их «внутреннюю реконструкцию» — в той мере, в которой такую реконструкцию позволяет произвести имеющийся синхронный материал. При этом мы не привлекали каких-либо исторических данных об удинском языке (за исключением единственной отсылки к переводу Евангелия конца XIX века) и в большей степени обращали внимание на ареальные и типологические параллели постулируемых путей развития. Можно надеяться, что ожидаемая публикация древнеудинского лекционария, датированного не позднее чем VIII веком н. э. [Girper et al., to appear], позволит подтвердить либо скорректировать высказанные гипотезы.

Обозначения

-	морфемная граница	AOR	аорист
=	граница с клиткой	BEN	бенефактив
:	кумуляция	CAUS	каузатив
+	стяжение морфем	COMP	подчинительный союз
1, 2, 3	лицо	COND	кондиционал
ABL	аблатив	COP	связка
ADD	частица 'тоже, даже'	CTRF	контрфактив
ADV	адвербиальный показатель	DAT	датов
AOC	деепричастие СВ	DAT2	второй датив
AOP	причастие СВ	DEB	будущее долженствования

DIST	дальний демонстратив	O	косвенная основа существительных
DLOC	дальний локативный демонстратив	PART	причастие НСВ
DO:DEF	определенный прямой объект (в персидском яз.)	PERF	перфект
ERG	эргатив	PERF2	второй перфект
FUT	будущее основное	PF	деепричастие СВ (в рутульском яз.)
GEN	генитив	PL	множественное число
HORT	гортатив	PLOC	ближний локативный демонстратив
IMP	императив	POT	будущее потенциальное
INF	инфинитив	PROH	прохибитивное отрицание
INS	инструменталис	PROX	ближний демонстратив
IPF	основа НСВ (в персидском яз.)	PRS	презенс
JUSS	юссив	PST	прошедшее время
LAT	латив	Q	вопросительный показатель
LV	служебный глагол	RDP	редупликация
MED	средний демонстратив	SG	единственное число
MSD	масдар	ST	отделяемая часть глагольной основы
NA	номинализация (абсолютив)	SUBJ	конъюнктив
NEG	«финитное» отрицание	SUPER	супер-эссив
NO	номинализация (косвенная основа)	TEMP	временное деепричастие
NOT	«нефинитное» отрицание	TERM	деепричастие предшествования
		VOC	вокативная частица

Литература

- Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.
- Алексеев М. Е. Удинская лексика в этимологическом словаре лезгинских языков // Наст. сб.
- Бежанов С. Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXX. Тифлис, 1902.
- Бокарев Е. А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию академика И. И. Мещани-

- нова. М.; Л., 1960. [Переиздано в: Алексеев М. Е. (ред.) Гора языков... и еще один: К 100-летию со дня рождения Е. А. Бокарёва. М., 2006.]
- Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Срезнеазиатский ареал. М., 1975.
- Ганенков Д. С. Морфологическая и семантическая характеристика падежей удинского языка // Наст. сб.
- Грюнберг А. Л. Язык североазербайджанских татов. Л., 1963.
- Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. Татский язык // Основы иранского языкознания. Кн. 3: Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Гукасян В. Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Баку, 1973.
- Гукасян В. Л. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
- Дирр А. Грамматика удинского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIII. Тифлис, 1904.
- Кечаари Ж. (сост.) Нана очьал. Баку, 1996.
- Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Ландер Ю. А. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // Наст. сб.
- Магомедов А. А. Личные формы инфинитива в даргинском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Вып. XX. Тбилиси, 1978.
- Майсак Т. А. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // Наст. сб.
- Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Будущее время в агульском языке в типологической перспективе // Вопросы языкознания. 2003. № 6.
- Маллаева З. Видо-временная система аварского языка. Махачкала, 1998.
- Махмудова С. М. Морфология рутульского языка. М., 2001.
- Муталов Р. О. Глагол даргинского языка. Махачкала, 2002.
- Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Татевосов С. Г. *Есть — бывает — будет*: на пути грамматикализации // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Тенишев Э. Р. (ред.) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Ширалиев М. Ш., Севортян Э. В. (ред.) Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971.

- Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Шлуинский А. Б. Имя деятеля и хабитуалис: семантическая и диахроническая связь // Плунгян В. А., Татевосов С. Г. (ред.) Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Authier G. *Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik)*. To appear, 2009.
- Aydınov Y. A., Keçaari J. A. *Əlifba (Tletir)*. Bəkü, 1996.
- Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. *The Caucasian Albanian palimpsest from Mt. Sinai. Edition and interpretation*. Turnhout: Brepols. To appear, 2009.
- Harris A. *Endoclititics and the origins of Udi morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Harris A. *Placement of person markers in Udi: Supplementary material* // *Навр. сб.*
- Haspelmath M. *The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization* // *Diachronica* 15.1, 1998.
- Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Keçaari K. *Orayin*. Bakı, 2001.
- Maisak T. *The Present and the Future within the Lezgian tense and aspect systems* // Authier G., Maisak T. (eds) *Tense, aspect, mood & finiteness in Dagestani languages*. To appear, 2009.
- Nikolayev S. L., Starostin S. A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow, 1994.
- Schulze W. *Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982.
- Schulze W. *A functional grammar of Udi*. To appear, 2009.
- Tatevosov S. *From habituals to futures: discerning the path of diachronic development* // Verkuyl H., De Swart H., Van Hout A. (eds) *Perspectives on aspect*. Dordrecht: Springer, 2005.